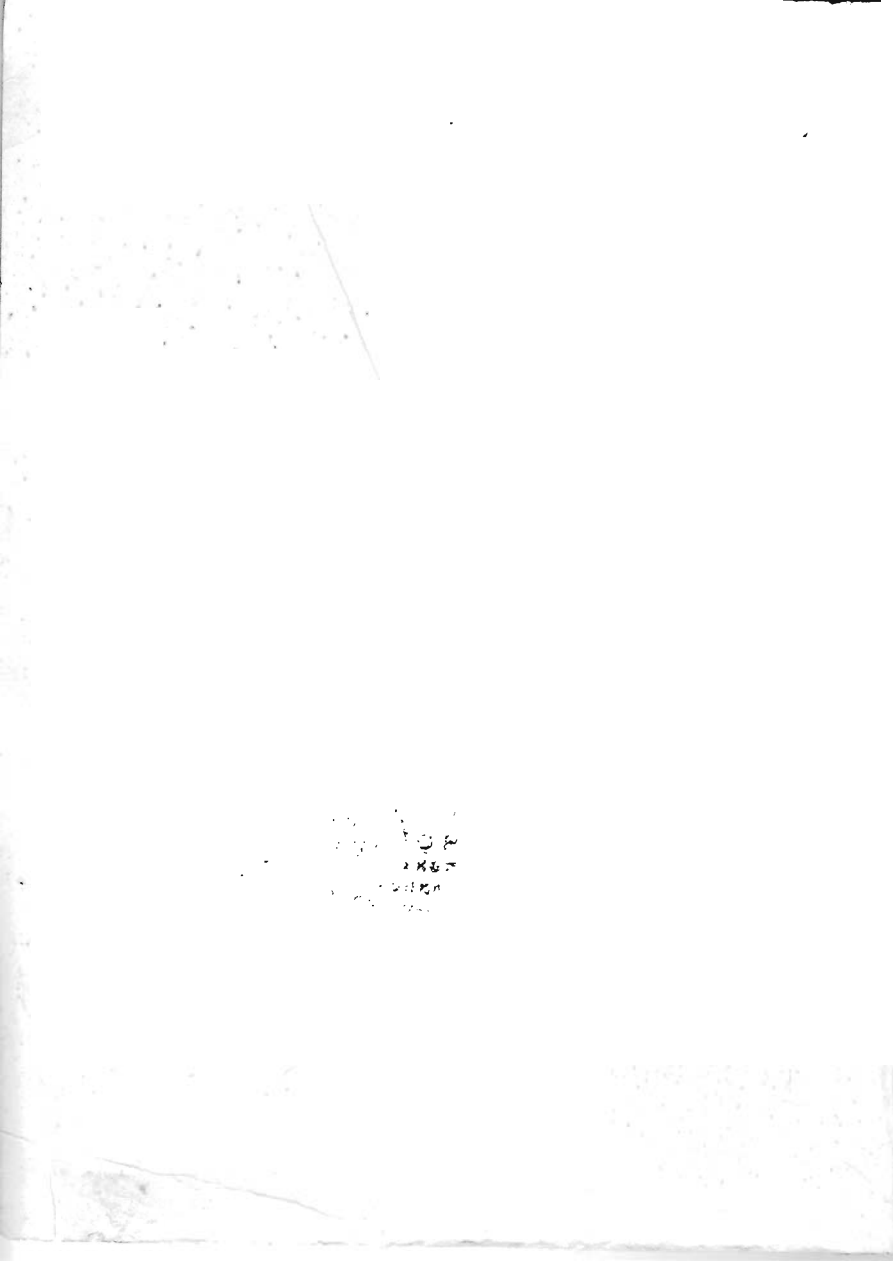

542
A 16

Б. АБРАМОВ

**иду
на
задержание!**

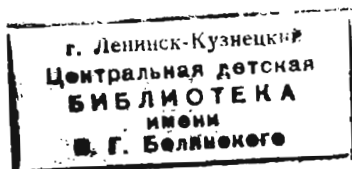

Б. АБРАМОВ

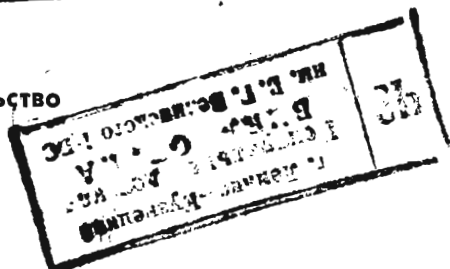
67
340
Мб

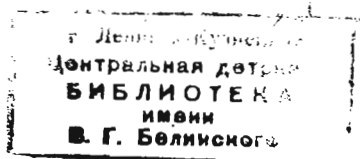
ИДУ НА ЗАДЕРЖАНИЕ!

085809

Кемеровское
книжное издательство
1976

Абрамов Б.

А16 Иду на задержание! Кемеровское книжное издательство, 1976

128 с. 30 000 экз. 17 к.

Самоотверженность и мужество, справедливость и большое терпение по отношению к людям—характерные черты работников нашей советской милиции.

Л. Н. Толстой сказал, что подвиг совершает «человек, который оказался в нужное время на нужном месте и делал нужное дело». Эти слова в полной мере относятся ко всем героям очерков Б. Абрамова. Они с честью выполнили свой долг перед Родиной, перед народом.

Книга написана на документальной основе, рассчитана на широкий круг читателей

А 11002—13 5—76
М145(03)—76

34СЗЗ

© Кемеровское книжное издательство, 1976

От автора

«...Я клянусь добросовестно и беспрекословно выполнять все возложенные на меня обязанности, требования уставов и приказов, не щадить своих сил, а в случае необходимости и самой жизни...» Это из присяги рядового и начальствующего состава органов внутренних дел, которую, подобно воинам Советской Армии, принимает каждый, вступающий в ряды часовых правопорядка.

Не щадить и самой жизни!.. Эти суровые слова обусловлены спецификой работы всех органов внутренних дел, в особенности милиции. Милиционеру иногда приходится бросаться под нож хулигана, смотреть в зрачок бандитского обреза, вытаскивать из пылающего дома людей, спасать утопающего. Спасовать, отступить — нет у него на это права, не велит служебный долг. Такая уж эта работа.

Правда, в последние годы новейшие научно-технические средства значительно видоизменили милицейский труд. Совершенная криминалистическая техника в умелых руках не оставляет злоумышленнику надежды на безнаказанность, и все чаще поединки с ним выигрываются в лабораториях. Достижения науки и техники все шире применяются в важнейшем направлении деятельности административных органов — профилактике правонарушений. На первый план выдвинулась фигура работника милиции — вдумчивого и терпеливого воспитателя, для которого нет более важной задачи, чем борьба за Человека в человеке.

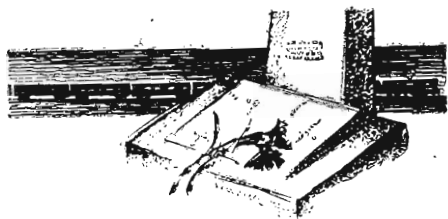
И однако, как и во все времена, такие замечательные качества советского милиционера, как мужество, отвага, находчивость, верность присяге, остаются главными условиями работы в органах внутренних дел.

В этой книге рассказывается об отдельных эпизодах милицей-

ских будней, когда человек, посвятивший свою жизнь борьбе со злом, проверялся в минуту смертельной опасности, когда на принятие решения не оставалось и секунды. Порою схватка с преступником заканчивалась гибелью защитника законов социалистической Родины. Такая смерть не менее героична, чем гибель воина на поле боя. И вправе ли мы забывать о них, павших в мирный час!

И кузбассовцы свято хранят память о таких героях. Их именами названы улицы в Кемерове, Киселевске, Итате, Анжеро-Судженске и других городах Кемеровской области. За самоотверженные поступки многие работники милиции отмечены боевыми орденами и медалями, некоторые из них — посмертно.

Хочу надеяться, что читатели прочтут книгу с чувством признательности к людям, чья профессия — справедливость и мужество.

ОБЕЛИСК

Поезд летел, наполненный невнятным бормотанием, душным теплом спящих людей. Зинаиде Михайловне не спалось. Напрасно она уговаривала себя заснуть и место-то ей досталось хорошее — на нижней полке, по ходу движения, и ниоткуда не дует, и подушка как подушка, а не ватный брикет, как обычно бывает в этих плацкартных вагонах, и никто в вагоне не колготится — сон упорно не шел. Так она и лежала уже который час с открытыми глазами, неторопливо перебирая в памяти события своей жизни. Мысли снова и снова возвращали ее к той страшной ночи.

К горлу подкатил комок. Сколько лет прошло-тролетело! Никого и не осталось, наверно, в поселке, кто помнит их семью. И уж, конечно, никто не признает в ней, Зинаиде Михайловне Алексеенко, инженерестроителе крупного дальневосточного завода, босоножую Зинку, дочку начальника волостной милиции Дубинкина.

Зинаида Михайловна, с усилием приподнявшись, потянула занавеску, туго надетую на стальной прут, долго вглядывалась в проносящуюся за окном предутреннюю мглу. Угадывалась стремительная стена пихтача, решетчатые ряды снегозащитных щитов, мелькали железобетонные столбы электрической тяги.

Поезд торопился на запад, убегая от нового дня. Но рассвет неумолимо настигал его, высвечивая горба-

тые крыши вагонов, будки путевых обходчиков, стога сена под плотными снежными шапками.

Зинаида Михайловна подумала, что наступающий день не принесет ей радости, не раз заставит сжаться ее больное сердце.

Да, с сердцем было неважно. Это хорошо понимали и она сама, и муж, и сын Валерий.

Когда пришла длинная, вежливо-настойчивая телеграмма, в которой неизвестные люди просили ее приехать на открытие обелиска отцу, она не могла сдерживать волнения, и Валерка начал было отговаривать:

— Может, не надо ехать... А, мам? У тебя же сердце. Да и что изменится, если не приедешь? Откроют без тебя, приобщат, так сказать, к лику святых.

Она мягко укорила:

— Думается, память об умерших — благородное чувство.

Муж, подумав, сказал:

— Какие могут быть разговоры! Не поедешь — людей обидишь, да и себе потом не простишь. С работы, конечно, отпустят.

Она неуверенно ответила:

— История, мне кажется, по тому времени обычная. Бандиты напали.

— Ну, уж это как народ посмотрит. Через столько лет не любого вспоминают и обелиски ставят.

...Совсем рассвело, когда проводница объявила, что следующая остановка Итат. И вот лязгнула откидная железная ступень, приглашая Зинаиду Михайловну выйти на родную, но ставшую уже незнакомой землю.

На этой станции из их вагона выходило всего несколько человек. Зинаида Михайловна вышла последней и уже намеревалась спросить кого-нибудь, как добраться до гостиницы, как откуда-то вынырнул полно-

щекий милицейский капитан, осведомился, привычно бросив ладонь к фуражке:

— Зинаида Михайловна Алексеенко?

И довольный, что не ошибся, ловко подхватил ее чемоданчик.

Номер в гостинице Зинаиде Михайловне понравился. Светлый, по-домашнему уютный. Капитан, оказавшийся начальником здешней милиции, пожелал ей хорошо отдохнуть с дороги. Договорились встретиться ближе к обеду, тогда и по поселку проехать, и о завтрашнем дне поговорить. Когда капитан уже взялся за дзверную ручку, Зинаида Михайловна тихо спросила:

— Скажите, здесь есть те, кто помнит о родителях? Ведь меня, как их похоронили, в детдом увезли.

— Есть, дорогая Зинаида Михайловна, есть. Петр Филиппович Нифонтов, например. Работал с вашим отцом. Сейчас председатель поссовета. Последний, видно, год — возраст. И обелиск поставить, и вас разыскать — его инициатива.

Оставшись одна, Зинаида Михайловна долго и неподвижно стояла у окна, наблюдая за улицей: не владивостокский проспект, но и здесь жизнь бежит — торопится. Спешат люди, волнуются и никому, кажется, нет нужды оглядываться назад, читать давно оторванные листки календаря. Напоминание капитана о завтрашнем открытии обелиска снова настроило ее на раздумья. Думалось о живой связи времен, о том, что без прошлого нет ни настоящего, ни будущего, и плохо человеку, который не верит в бессмертие человеческого доброго дела... Вспомнилось чье-то изречение: кто выстрелит в прошлое из пистолета, будущее ответит ему выстрелом из пушки.

Что-то вдруг произошло на улице. Кажется, все осталось по-прежнему: шагали люди, катились машины и очень редкие повозки, но появился в этом неритмичном шуме новый акцент.

Она, наконец, поняла, откуда это ощущение. Она узнала улицу. Это была их улица. Там, за ее изгибом, должен стоять двухэтажный деревянный дом, в котором она жила с родителями. На первом этаже — милиция, на втором — две их комнаты. Как же это она не спросила у капитана, уцелело ли здание?

Дом был цел, она сразу узнала его. Крышу, конечно, не раз перекрывали, заметны новые нижние звенья, но в общем домик ладный, простоит еще долго.

Зинаида Михайловна, стараясь унять волнение, дважды прочитала вывеску, извещающую, что в здании находится поселковый Совет депутатов трудящихся и, усмотрев в этом непосредственную связь с давнишними событиями, порадовалась такому открытию. Потом решительно открыла дверь, миновала пустой темноватый коридор и стала подниматься по лестнице, ведущей на второй этаж. Лестница была, наверно, та же, старая, только разве что ступени обновили. Да слишком уж крутыми сделали...

На лестнице ее обогнал худой длинноногий парень. Он запросто шагнул через ступеньку.

— Верно идете, бабушка! Товарищ Нифонтов на высшем — в нашем случае, на втором — этаже, как и положено начальству, — ответил он на ее вопрос о председателе.

Еще как следует не отдышавшись, она толкнула дверь с табличкой, запоздало отметив, что забыла постучать. Человек за столом в глубине комнаты поднял крупную облысевшую голову, ворчливо произнес:

— Да занят я, господи! Читать надо, когда прием. Вот ведь люди: идут и идут, как им на ум взойдет. Ну, что у вас? Только быстренько...

Услышав, что посетительнице ничего не надо, а пришла она сюда «просто так», он удивленно крякнул и озадаченно уставился на Зинаиду Михайловну. Нако-

нец, во взгляде промелькнула какая-то мысль и он сказал с сомнением в голосе:

— Зинаида Михайловна? Приехала, стало быть? А чего же одна, без Потапова? Правда, не знали, приедешь ли, дорога-то не ближняя, но на всякий случай начальник милиции решил эти два дня владивостокские поезда встречать. Да ты садись, садись, чего как неродная стоишь.

— Мне про вас капитан говорил, а я вас совсем не помню...

Нифонтов погрузнел.

— Понятно, время... Воды-то утекло! Как это в песне поют: шел парнишке в ту пору восемнадцатый год... Вот и мне шел восемнадцатый, а ты совсем мальком была, лет, однакось, шесть или семь... И вот сейчас перед вами Петр Филиппович Нифонтов, в прошлом красный милиционер, в данный момент — поселковый голова. Не единожды, признаюсь, тебя из дежурки вытурял. Шустрая была девчонка, любопытствующая. Потом в детдоме навещал, может, все же припоминаешь? Ну, а потом детдом расформировали, потеряли мы тебя. Не думали, что и разыщем. Милиция год была, ведь ты фамилию сменила. Мужик-то хороший попался? Ты давай рассказывай, рассказывай, а то я по-стариковски все сам норовлю...

Зинаида Михайловна, не удержавшись, рассмеялась. Старик ей положительно нравился. Исходила от него неподдельная душевная теплота, и за сумбурным многоречьем проглядывала крестьянская житейская мудрость. Она рассказала, что муж у нее, слава богу, непьющий, тоже инженер. Вообще жизнь устроилась нормально. После детдома училась в ремесленном, потом в техникуме, институт окончила заочно. В войну работала на заводе, награды за труд имеет. И сейчас работает, хотя здоровье уже не то. Сын вырос, учится в юридическом.

Пока рассказывала, Нифонтов удовлетворенно кивал, поддакивал:

— Вот так, вот и славно! Человек у нас не сгинет! Государство, оно заботливое!

Потом спросил:

— Что об отце-то не спрашиваешь, его хорошо помнишь?

Отца Зинаида Михайловна помнила смутно, больше представляя его по чудом сохранившейся фотокарточке, занимающей нынче почетное место в альбоме. Фотограф заснял Дубинкина во весь рост. Вид бравый, но такой напряженный, будто стоит он пред очами грозного начальства. Глухой китель на груди перекрещен ремнями, сбоку кобура, на ней широкая рабочая рука, из-под фуражки с коротким лакированным козырьком выбивается черная волна чуба. По снимку обычно трудно определить рост, но Зинаида Михайловна помнила, что ростом отца судьба не обидела. Входя в комнату, он часто стучался о притолоку, чем всегда смешил мать и ее, Зинку.

Нифонтов снова спросил:

— А мать помнишь? Елизавету Алексеевну, кажется?

И мать Зинаида Михайловна помнила плохо.

— Да, память, память... Так уж устроено: сколько живем, столько и забываем. А под старость иной раз все всплывает: лица товарищей, с которыми когда-то работал, эпизоды из жизни. Сейчас мне, к примеру сказать, до малой малости вспоминается трагедия, разыгравшаяся в этом доме в то далекое время, та история...— Нифонтов задумчиво потирал глубоко распаханный морщинами лоб. Его голос, звучавший негромко, иногда прерывался от волнения.

Никто не мешал: табличка на двери, видимо, все же имела воздействие на посетителей.

Зинаида Михайловна все глубже уходила воображением в далекий неустроенный двадцать второй год.

...Кончалась «собачья вахта», как называл Нифонтов время от полуночи до пяти утра, когда в дежурку ввалился расхристанный мужик: без шапки, в разорванном полушубке, на заиндевевшей бороде темные сосульки крови.

«Во нализался!» — усмехнулся Нифонтов, но, когда пришедший приблизился, в его частом дыхании Петр не учуял знакомого запаха перегоревшей самогонки.

Отдышавшись, ранний гость сбивчиво рассказал, как на ночь — хватило дурости! — поехал он на базар, да не доехал: встретили в Девичьем логу бандюги, лошадь и сани с добром отобрали, его избили. Хотели, может, и убить, да удалось вырваться, рванул по кустам. Стреляли, но миловал бог — не попали.

Все время, пока Нифонтов выполнял самую тяжелую для него обязанность — записывал заявление, мужик молча сидел, обхватив скамью костистыми руками и опустошенно уставившись в пол. Нифонтов кончил, наконец, писать, швырнул на стол ручку так, что она брызнула чернилами, и, с наслаждением подвигав широкими плечами, подошел к мужику.

— Ничего, борода, очень-то не расстраивайся. Главное, живой. Может, и обидчиков твоих найдем. Начальник сейчас придет...

Он поднял за спинку стул и, не примеряясь, легонько стукнул несколько раз ножкой в прокопченный потолок. Наверху тотчас тихонько зашкрипели половицы, потом явственно раздались шаги по лестнице и вошел начальник волостной милиции Дубинкин. Был он и ростом хорош — на метр девяносто, и телом, сразу видать,

не хлипкий, и кобура на боку выглядела как-то особенно по-боевому. Вообще всем своим видом внушал начальник уважение. Мужик почтительно встал со скамьи.

— Ну чего, Нифонтов, надежурил? — спросил Дубинкин, остро зацепив взглядом посетителя.

— Да опять разбой, Михаил Иванович, зверуют... Вот гражданин Зубов попался им...

Дубинкин, померяв шагами дежурку, резко остановился.

— Что ж, товарищ, давай думать вместе!

Так же круто повернулся и, нагнув в дверях чубатую голову, вышагнул из дежурки.

Нифонтов кивнул мужику:

— Иди, иди...

Из кабинета начальника мужик вышел добрый час спустя, а с рассветом по улицам села, выбираясь на дорожку к Девичьему логу, проскакали четверо конных милиционеров. Дубинкин остался дожидаться результатов вылазки, хотя и был уверен: вернутся ребята ни с чем. В последнее время бандиты исчезали с поразительной ловкостью, уходили буквально промеж рук, как при игре в жмурки, иногда даже набирались наглости обстреливать милиционеров из засады, будто заранее зная, где они проедут. Вот это особенно тревожило. Неужели у них в милиции завелась контра? В который раз Дубинкин перебирал в уме всех сотрудников и приходил к выводу: нет и нет. Ругал себя за пустые подозрения, потом, однако, невольно возвращался к ним...

Вот уже который день по этой причине было у него настроение — хуже не придумаешь. Разговаривал, ходил, ел, читал бумаги с таким ощущением, как будто за ним, не отрываясь, следит чей-то насмешливо-злой взгляд, ехидно вопрошающий: «Не надоело, чайничек-начальничек, ловить-догонять?»

В самом деле, вхолостую почти крутятся. Преступ-

ление за преступлением, не успевают записывать в книгу — и все не раскрыты. Да какие преступления! Не какая-нибудь мелкота, вроде квартирной кражи, а почище: в Николаевке убили избача и столкнули в полынью, в Новопокровке до последнего гвоздя обчистили магазин, в самом Итате, можно сказать, под носом у милиции склад обворовали. В воскресенье на базар люди боятся ездить. Сколько их было, таких случаев, вроде сегодняшнего: отберут у мужика лошадь, самого, если не прикончат, так инвалидом на всю жизнь сделают. Спрашивается, зачем грабителям лошади? Не накапливают ли силу, чтоб заварить кашу. Нет, не иначе, как действует контра! В Теплой Речке стало особенно беспокойно, наверняка кто-то народ баламутит. Милиционера ночью на улице застрелили, сельсовет подожгли. А кто — так и не дознались. Докладывал Дубинкин обстановку в Мариинск, в уездную милицию, но там сказали: у других не легче, на крупные банды силы бросили, обходись своим составом. А будешь паниковать — партбилет выложишь. А что, и за просто, долго разговаривать не станут. За революционный порядок в волости он первый ответчик. И опять же, какой он начальник! Рубал в Анжерке уголь, с «колчаками» сражался. И вдруг — на тебе, товарищ Дубинкин, милицию, команду. Отбивался: в грамоте не силен. И слушать не захотели: в нашем деле, мол, главное — политическая грамотность и революционная справедливость и вообще рассуждать большевику не пристало, как и солдату на фронте...

Тревожный ход мыслей прервал вошедший, как принято, без стука старший милиционер Пастухов. Доложил, заметно спотыкаясь на согласных:

— Никаких следов! Разве что по деревням проехать, расспросить, не видел ли кто подозрительных.

Глаза Пастухова вдруг подернулись пеленой, губы мелко задрожали и голос стал с неприятной хрипотцой.

— Эх, Михаил Иванович! До чего дожили: с какими-то бандитами не можем справиться! Или наша власть слабая?

Дубинкин оборвал:

— Ты это брось, Пастухов! Хоть ты и увеченный врагами Советской власти, а не заговаривайся. Колчака сломали, а уж эту вшивоту запросто подавим.

Пастухов ушел, но взбаламученная им злость долго не оседала. Конечно, дерганый мужик этот Пастухов. Красноармеец из Ростова. Контузили, когда здесь бои проходили, оставили в селе выздоравливать. Оклемался — в милицию попросился. Заикается до сего дня... Ишь ведь как завернул, что власть слабая...

В тот день Дубинкину удалось лишь на минутку заскочить к себе наверх. Не разбирая вкуса, поел, что поставила на стол Елизавета, погулял Николке, таращившему глаза из зыбки, поинтересовался, где шляется Зинка, и снова бросился вниз по лестнице — как в пропасть провалился.

Взбодрилась, наконец, душа Дубинкина: что-то, кажется, начало проясняться. Ограбленный Зубов на улице случайно признал одного из бандитов, проследил, в какой дом тот зайдет и, минуя всех, выложил плоды своих наблюдений Дубинкину, который решил брать бандита сразу же. Дом на Почекутовской был знаком: в нем одиноким бирюком жил Николай Феррапонтов, могучий когда-то мужик, промышлявший конокрадством. Застигнутый однажды мужиками на месте преступления, он стал быстро чахнуть, однако выжил, хотя и остались кожа да кости. С этого времени и приобрел он прочную кличку Хилый.

Операция прошла без сучка-задоринки. Хилый не мог предупредить гостя, поскольку тот был мертвецки пьян, да и сам сопротивления не оказал. Был он злобно спокоен, но, когда Дубинкин распорядился обыскать дом, вдруг встревоженно заворочал глазами.

Волновался не зря: в подполье под картошкой обнаружили целый склад оружия: трехлинейки, карабины, смит-вессоны, бульдоги, а в сарае ящик патронов и десяток гранат.

В эту ночь Дубинкин не спал. Надо было срочно ответить на несколько вопросов, главными из которых ему казались такие: кому принадлежало оружие, кто и когда должен был им воспользоваться? Наспех допрошенный Хилый нагло темнил, божась, что отступавшие колчаковцы «силом» заставили его сохранить оружие, а он просто-напросто забыл об этом сообщить. На вопрос о госте ответил, что это его напарник по прежнему ремеслу Кеша. Приходил сбивать на кражу, да он, Хилый, не согласился, поскольку окончательно и бесповоротно пошел по рельсам новой жизни. И все. Надо было ждать, когда очухается Кеша.

После полуночи Дубинкин зашел в дежурку к Нифонтову, и они вдвоем перетащили оружие в другое место.

Только под утро Кеша стал подавать признаки жизни. Стараниями Нифонтова он, наконец, малость протрезвел, но еще долго не мог понять, где он и чего от чего хотят. А понял — лишь поскреб пятерней в затылке и заверил, что раз все равно ему крышка, так он ничего не скажет.

— А ты лучше подумай, — посоветовал Дубинкин. — Раз тебе все равно крышка, не выложить ли все как на духу.

Кеша подумал, снова почесался.

— И то правда. Только калган трещит, спасу нет, говорить не хочется.

Понятливый Нифонтов мигом принес откуда-то бутылку, больше чем наполовину заполненную белесой жидкостью. Кеша понюхал, одобрил: «Без обману!» — и начал повествование.

Выходило, что банда прячется по глухим заимкам и деревням, а он, Кеша, у них вроде связного, хотя иногда и участвует в деле. Кто атаман, он не знает и не видел его, но слышал, что какой-то белогвардейский офицер. Точно не знает, но догадывается, где его пристанище. И еще кто-то здесь, в селе, якобы есть, кто через Хилого сообщает, куда ехать за добычей и где ищет банду милиция. Еще оружие есть где-то в лесу, но главный запас был у Хилого.

Кеша назвал с десяток фамилий и кличек членов банды. Только тогда с видом человека, проработавшего на пахоте, несколькими глотками осушил бутылку.

Нифонтов увел его, а Дубинкин сел сочинять рапорт в губернскую милицию. Брезжило утро. Отправил донесение и стал обдумывать план действий на завтра. Вчерне набросав план, поспешил в волисполком.

Возвращался из исполкома поздней ночью. Под сапогами звонко похрустывала подернувшаяся легким ледком пустынная улица, полная луна заливала мертвенным светом дома, тополя, обширные пустыри огородов. В конце села нехотя взлаивала собака. «Побродить бы сейчас с Лизой, — подумал Дубинкин. — Уже ведь по двадцать пять. Не заметишь, как совсем состаришься. — Но тут же успокоил себя: «Ничего, нагуляемся, будет время. Вот банду выловим и погуляем».

По милиции этой ночью дежурил Пастухов, сменивший Нифонтова. Вид у дежурного, отметил начальник, был неважнецкий, как будто его весь день гоняли бегом без передыху.

— Ты что, болеешь? — спросил Дубинкин. — Кто-нибудь подменит, коли так.

Пастухов мрачно ответил, что совершенно здоров и спасибо, мол, за беспокойство. «Обиделся за давешнее, — подумал Дубинкин. — Ну, ничего, за дежурство остынет». Проверил, надежно ли сидят Кеша и Хилый,

и поднялся к себе наверх, предвкушая, как славно выспится за двое суток.

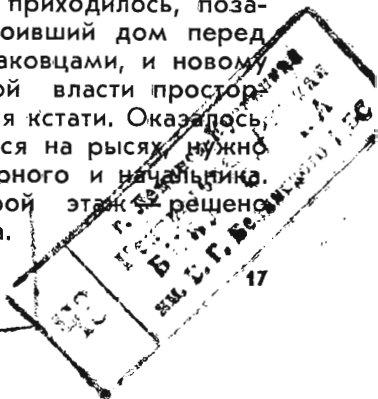
Стараясь не топтать тяжелыми сапогами, нашарил на столе лампу, но портить спичку не стал. Да уже и глаза привыкли к темноте. У стенки на широком топчане спала Зинка, рядом в качалке посапывал шестимесячный Николка.

Дубинкин запнулся о табуретку, жена тихо спросила:

— Это ты, Миша? Хоть бы лампу зажег, полуночник. Картошка на загнетке...

Есть не хотелось. Спать, спать. Разделся, сунул наган под подушку. Укладываясь, услышал, как внизу протяжно скрипнула дверь, потом еще и еще. «Чего это Пастухов расходился?» Он хотел было встать, спуститься в дежурку, но голова уже налилась свинцовой тяжестью. «Для меня-то удобство, что внизу милиция, а каково жене с детьми? Непорядок это, надо все же подыскать квартиру...», — думал он, засыпая.

Мысль о перемене квартиры была не новой. Начальнику милиции не раз приходилось получать строгие выговоры от жены: «Ты пойми же, нельзя так: Зинка по твоей милиции лётает, видит бандюг всяких, весь день шум да ругань». Дубинкин соглашался, клятвенно обещал сегодня же присмотреть подходящее жилье, но за делами вспоминал об обещании лишь тогда, когда брался за дверную ручку, чтобы зайти домой. Нынешнюю квартиру выбирать не приходилось, позаботилось начальство. Купец, построивший дом перед самой революцией, сбежал с колчаковцами, и новому учреждению вернувшейся Советской власти просторное помещение пришлось как нельзя кстати. Оказалось, что милиции, постоянно находящейся на рысях, нужно всего-то две комнаты — для дежурного и начальника. И остальные комнаты — весь второй этаж — решено было предоставить семье начальника.

У Дубинкиных, живших в Анжерке в сырой засыпке, боярская хоромина вызвала поначалу восторги, но очень скоро милицейская жизнь, бурно протекающая внизу, поубавила радости.

Дубинкин обычно спал чутко, и это было для него египетской казнью — каждый звук будил и держал в напряжении: вот сейчас раздастся условный стук.

Внизу снова скрипнула дверь, загудели мужские приглушенные голоса. В кроватке зашевелился Никола. Дубинкин прислушался. Внизу стихло, но тут же раздался привычный стук. «Опять что-то стряслось! — подавляя раздражение, подумал Дубинкин. — Пастухов по пустякам вызывать не станет».

Он еще не оделся, как стук повторился уже громче и нетерпеливее. «Да слышу, слышу! — мысленно крикнул Дубинкин, торопливо натягивая гимнастерку. Жена встала, засветила керосиновую лампу — семилинейку —

— Господи, когда же эта маета кончится!

Пастухов опять, уже требовательно, стукнул в потолок, и сразу же раздался скрип ступенек. «Важное что-то... Решил, наверно, что быстрее будет подняться к начальнику, чем ждать, когда спущусь. Думает, что сплю и не слышу», — объяснил Дубинкин такое нетерпение дежурного.

В дверь осторожно постучали. Дубинкин подошел к двери, спросил:

— Ты что ль, Пастухов?

— Я, товарищ начальник. Срочное сообщение...

Дубинкин отбросил крючок. Дверь вдруг рванулась и слепящий удар в голову отбросил его на середину кухни. Дом наполнился криком пробудившихся детей, бухающими звуками сапог, хрипылыми голосами ворвавшихся. Прогредел выстрел. Стрелял бородатый, невзрачный на вид мужичонка, которого Дубинкин в поселке ни разу не встречал. К косяку жался Кеша, в дверях возвышался еще один, вооруженный маузер

ром бандит, ближе всех стоял Пастухов с тускло поблескивающим наганом в руке. Мужичонка промазал, но почему-то больше не стрелял. Дубинкин понял, почему, услышав вопрос:

— Где, гадюка, оружие? Кто еще знает, о чем Кеша тебе рассказал?

Быстро, как бывало в бою, пробежали мысли: «Оружие где, не знают. Хорошо, что перетащили. Пастухов, значит, контра. Эх, добраться бы до своего нагана!»

Плюгавый, срываясь на крик, повторил вопрос:

— Где оружие, спрашиваю? Жить хочешь — отвечай!

Пастухов, подскочив, ударил кулаком в лицо.

— Ты что, онемел, господин начальник?

Дубинкин выплюнул выбитый зуб под ноги.

— Дерьмо ты собачье, Пастухов, иуда! И как же я тебя раньше не разобрал?..

Договорить не смог, от нового удара качнулся, кровь забила рот, в ушах возник низкий тяжелый гуд, как сквозь вату проникали слова:

— Ошибся и сейчас, красная сволота! Пастуховым никогда не был и не буду. Ваш Пастухов давно гниет!

Пастухов выхватил из нагрудного кармана какие-то бумаги, судорожно скомкал и бросил в лицо Дубинкину.

Уклоняясь от нового удара, Дубинкин сделал шаг назад. Так он, вздрагивая под ударами и выплевывая кровь, добрался до двери, ведущей в горницу, и, теряя сознание, привалился к косяку. Мужичонка кричал: «Где оружие?», а Пастухов, приговаривая: «Вот тебе, вот тебе!» бил и бил его. Странно было, что Дубинкин лучше слышал его, чем крики мозглявого бородача.

— Нет, сразу мы тебя не кончим, не надейся, — шептал Пастухов. — Конечно, славно было бы шлепнуть тебя, а потом воскресить. Шлепнуть и воскресить, и опять шлепнуть. Чтoб знали, скоты, чья власть и сила.

Сильный удар вернул Дубинкину меркнувшее сознание. Он понял, что это последняя минута его жизни. Если упадет, они запросто добьют его и он уже не сможет хоть в малой мере исправить свою ошибку с Пастуховым, или как его там...

Собрав силы, он оттолкнулся от косяка, метнулся к кровати, не почувствовав, как несколько пуль вошло в его тело, и выхватил из-под подушки наган. Повернувшись, дважды выстрелил. Совсем близко увидел расплывающееся лицо Пастухова и еще раз нажал спуск, но выстрела уже не слышал.

Дубинкин лежал вниз лицом, а мужичонка, тяжело дыша, гвоздил его сапогами и все повторял осевшим голосом: «Где оружие, где оружие, скотина?!»

Зинка, сразу же, как только ворвались бандиты, забилась под топчан. Она не видела, что делалось на кухне, но поняла: бьют отца. Не слыша голоса матери, подумала, что ее уже убили. Она видела, как из кухни вбежал отец, как стрелял. Закрывать глаза не было сил даже тогда, когда отец рухнул на пол, когда, выронив наган, схватился обеими руками за живот Пастухов.

И тут она услышала высокий, срывающийся голос матери. Она стояла в двери легкая, ломкая, смотрела на лежащего отца и без слов кричала пронзительно и обреченно. Потом кинулась к бородатому мужику, который теперь уже молча бил ногами неподвижное тело. Тот отпрянул в сторону. Мать шла на него бледная и решительная. Бородатый длинно выругался. От двери тотчас качнулась широкая тень — бандит с маузером. В два шага он оказался около матери, взмахнул рукой. Мать, слабо охнув, медленно опустилась на пол рядом с отцом.

Зинка увидела, как от головы матери медленно стала растекаться темная лужица, подбираясь к ней, под топчан. Она хотела отодвинуться от нее, но не пукала стенка, и Зинка замерла, в ужасе глядя на живой

ручеек, зная, что закричит, когда он коснется ее голой ноги.

Бандиты еще топтались в комнате. Главный что-то кричал, размахивал наганом, его тщедушное тело тряслось от ярости. Заметив зыбку, в которой заходился криком Николка, он бросился туда. Мелькнула подушка и упала камнем.

На мгновение наступила тишина. Мужик молча отошел от зыбки и уставился на верзилу, который, не выдержав, отвел глаза в сторону.

— Не видишь, помоги! — крикнул мужик, снова накаяясь, и махнул рукой в сторону Пастухова, который тихо стонал, навалившись грудью на стол. — Успел-таки, гадюка! В живот, говоришь? С такой раной, пожалуй, не вытянуть...

— Не оставляйте, — выдавил Пастухов.

— Ладно, помолчи, поручик. Кеша потащит, успеем его в расход. Если бы не ты, продал бы он нас совсем... А теперь двигаем.

— Барахла не брать, не за тем пришли! — снова прикрикнул он на верзилу, который оценивающим взглядом озираал скудную обстановку.

Бандиты пошли. В дверях, как будто что-то вспомнив, Кеша обернулся и встретился глазами с Зинкой, которая в этот миг выставила голову из-под топчана. Кеша запнулся, поспешно отвел глаза и, секунду помешкав, шагнул через порог. Зинка слышала, как внизу захлопала дверь, а некоторое время спустя, когда под окном на улице стихли голоса, снова раздались выстрелы. Потом опять заходили двери и лестница заскрипела под множеством торопящихся ног.

Нифонтов силой вытащил Зинку из-под топчана, предварительно распорядившись, чтобы закрыли простынями тела начальника милиции и его жены.

За рассказом Зинаида Михайловна не заметила, как пробежало время. Несколько раз в комнату заглядывали, но торопились закрыть дверь, увидев выражение лиц собеседников.

— Ну, вот и вся история,— вздохнул Нифонтов.— Тяжелая она, верно. Но я так понимаю,— не зря погибли твои. Я тогда, как услышал пальбу в милиции, койкого прихватил и сюда. Здорового того, с маузером, сразу подстрелили—хорошая мишень была, а главный ихний—до последней пули стрелял. Чуть не убежал, но Кеша его сам скрутил. Наверно, чтобы жизнь себе заработать.

— А Пастухов?

— Мертвым нашли. И не Пастухов он был, а какой-то на «овский», то ли Доровский, то ли Дубовский, не припомню. При отступлении документы замученного красноармейца взял. Предусмотрел, словом. А сам офицер колчаковский. Надеялся изнутри пакостить, народ бунтовать. Бородатый тот, главарь ихний, на допросе ясно изложил: хотел, мол, с помощью уголовщины людей запугать, а потом восстание поднять, Советы вырезать. Мог бы, наверно, много дел наделать... На другой день к нам из Мариинска подмога пришла, всех контриков и бандюг подмели, оружия много изъяли. Порадовался бы Михаил Иванович.

В голосе Нифонтова прозвучали и сожаление о погибшем, и гордость за него.

— За честь посчитал бы умереть, как твой отец. И не думай, что это громкие слова. Я их завтра скажу у обелиска. Не слезьми исходить надо на такой могиле. Нужно, чтобы селяне помнили Михаила, а значит и вообще таких, как он, погибших за наш сегодняшний день. Для того и обелиск соорудили. Чем дольше и лучше живем, тем должно быть дороже прошлое.

Нифонтов под конец разволновался и, ссутуля широкие плечи, зашагал по кабинету.

Уходила Зинаида Михайловна, к своему удивлению, спокойной, как будто даже умиротворенной рассказом Нифонтова. Он не провожал ее: у дверей кабинета уже толпились посетители. И она была отчасти рада этому. Хотелось побыть одной, продумать и прочувствовать услышанное. Она медленно шла по широкому тротуару улицы, по которой полвека назад ходили отец и мать и мог бы бегать брат Николка. Но воспоминания о них теперь почему-то не давили на сердце. Зинаида Михайловна глянула в конец улицы. Где-то там, на поляне, в память о ее отце, честно выполнившем свой долг перед Родиной, воздвигнут обелиск со звездой.

• • •

ПОСЛЕДНЕЕ ЗАДАНИЕ

«Сегодня, 19 мая 1946 года в 0 часов 30 минут в г. Киселевске при исполнении служебных обязанностей убит оперуполномоченный угрозыска Коваленко. Преступники арестованы. Подробности спецсообщением.

Зам. начальника управления
милиции Соколов».

(Сообщение по ВЧ начальнику Главного управления милиции МВД
Галкину)

Начальника милиции Максимова после очередного сердечного приступа положили в больницу, и утреннюю летучку проводил его заместитель по оперативной работе майор Кошутлов. За широченным с двумя массивными тумбами столом небольшой ростом майор казался еще меньше. Лишь бравый майорский вид придавал положенную по чину внушительность да черные, неестественно длинные и кустистые брови, которых хватило бы на пару добрых усов. Казалось, они даже мешали ему смотреть.

Кошутлов привычно, из-под бровей, окинул взглядом собравшихся. Вдоль стен узкого кабинета на стульях, табуретках и продавленном «музыкальном» диване раз-

местился почти весь оперативно-начальствующий состав: уполномоченный разрешительной системы Ковальчук, начальник стола приводов Бабкин, инструктор загса Грязнов, старший оперуполномоченный по розыску Лукин, госавтоинспектор Сапожков, участковые уполномоченные Гапаков, Бабаев и Круглов. По заведенному порядку ближе всех к столу сел заместитель по политчасти лейтенант Маклецов.

— А Коваленки почему нет? — спросил Кошутлов.

— Так он же с позавчерашнего дня в отпуске, — весело ответил замполит. — Дождались! Первый отпуск в отделе за пять лет...

Кошутлов досадливо двинул бровью.

— Надо ж, забыл. При мне Максимов приказ подписывал. Жаль, а придется отозвать. Скажи, Бабаев, дежурному.

И без паузы, но уже другим, подчеркнуто сухим, официальным голосом начал оперативку.

— Сами знаете, товарищи, оперативная обстановка у нас исключительно напряженная. Вчера разговаривал с областью...

Кошутлов болезненно поморщился, вспоминая, каким беспомощным он себя чувствовал в этом разговоре. Да и был ли разговор? Обычный очередной разнос. Что ж, лежачего только и бить...

Подполковник Юренко, его непосредственный шеф в областном управлении, сначала тихим и уставшим голосом, в котором, чувствовалось, таилась тысяча чертей, чуть ли не ласково осведомился, когда товарищ майор сможет навести порядок в своей Киселевке и, в частности, доложить о раскрытии грабежей на территории Калзагая.

Не дослушав пустившегося было в объяснения Кошутлова, Юренко, разом выпуская на волю притаившихся чертей, завернул во весь свой немалый бас хитро и намертво сколоченную фразу, что свидетельствовало

о переходе его на привычную манеру беседы с подчиненными, и посоветовал не крутить ему мозги, а принять все меры к раскрытию преступлений.

«Спасибо за ценный совет,— ответно накаляясь, подумал Кошутлов.— Только какие, позвольте спросить, товарищ подполковник, еще меры принимать? Исчерпали мы их все, до доньшка. Оперативники, участковые, рядовые милиционеры — все в действии, все крутятся вокруг коды, которая грабит, а толку никакого. Правильно, сноровки, опыта не хватает. Какой уж там опыт, когда в отделе почти одни новички, вчерашние фронтовики. А фронт в милиции иной, чем на войне — на ура жулика не возьмешь. И опыта сыскного на базаре не купишь...»

Может, и дальше мысленно продолжал бы Кошутлов в таком духе разговор с Юренко, в пол-уха слушая его громкий монолог, но тот вдруг, обрезав на высокой ноте, бросил трубку.

Из разговора майор понял, что никто за них работать не будет, что пора им со всей ответственностью относиться к служебным обязанностям и что, если в ближайшее время положение дел не поправится, то им всем не поздоровится.

На этом и закончил разговор Юренко, предоставив майору широкую возможность самому догадываться о последствиях и рисовать мрачные картины неминуемой кары...

Пятиминутка получилась чуть ли не часовой и, когда все разошлись, Кошутлов устало откинулся на спинку стула. Но тут же скрипнула дверь, и в ее проеме появилась крепко сколоченная фигура Коваленко.

— Разрешите, Константин Иванович?

— Входи, входи, Василий!

Вошедший, осмотревшись, вдруг дугой выкатил грудь, сделал от порога несколько шагов, лихо выбра-

сывая кривоватые ноги в растоптанных сапогах, и отчеканил:

— Товарищ командующий! Оперативный уполномоченный уголовного розыска четверть-генерал милиции Васька Коваленко прибыл по вашему вызову. Чем могу служить?

— Да хватит тебе, Василий, не до шуток.— Кошутю юрко вынырнул из-за стола, протянул щуплую руку навстречу широкой ладони Коваленко.

Службу в милиции оба они начали в одинаковых чинах, участковыми, но Кошутю, имеющий незаконченное среднее образование, быстро пошел в гору, уверенно продвигаясь по служебным ступенькам, а Коваленко со своими пятью классами пахал да пахал простым «опером» в угрозыске.

К началу войны он был в городе признанным мастером сыска. Поэтому и на фронт не взяли. А Кошутю подвела частая спутница нервной и неупорядоченной милицейской жизни — язва желудка. Оба остро переживали свое положение тыловиков и до последних дней войны изводили начальство рапортами с просьбой послать на фронт.

Разница в служебном положении несколько не повлияла на их дружеские отношения, хотя на людях и Коваленко и Кошутю строго следовали субординации.

— Вот что, товарищ генерал сыска,— серьезным тоном сказал Кошутю.— Сейчас придется тебе выехать на кражу...

— А я ведь, Костя, отдохной, как говорит моя Галка. Еще трех дней не прошло, как отпускник,— торопливо ввернул Коваленко, отлично понимая, что эти его слова не возымеют на Кошутю ни малейшего действия.

— Бывший отпускник, бывший. И не еще, а уже. Уже три дня прошло, как ты маешься без работы, осунулся даже, бедняга. Будто я не знаю, как ты к дежур-

ному бегаешь узнавать обстановку. Так что исключительно ради твоего душевного спокойствия отзываю тебя из отпуска.

— Пожалел волк кобылу... Знаю, после ОВ такой добрый.

— Ишь, как быстро проинформировался. Да, именно после очередной взбучки я такой и недобрый, Вася. Но эти калзагайские грабежи...

— Раз надо, чего тут. Я это так, для пущей важности. Только вот хлебные карточки надо отоварить. Домашних некого послать. Знаешь ведь, настоящий лаварет у меня. Потому и в отпуск Максимов отпустил.

— Ладно, выкраивай время. Но кража не терпит вчера заявили. Ну, с кражей проще. Рудковского работа, раскрутим. А вот насчет грабежей дело швах. С пистолетами ходят. У тебя, кажется, что-то уже наклеивалось?

— Цеплялось малость. Думаю, что и Рудковский с ними контактит. Я, как идти в отпуск, Огурееву все передал.

— Знаю. Да только твой Огуреев вчера в Абакан поехал, сигнал есть: Танцор там объявился. Привезет — пару старых краж обязательно спишем. Ну, а тебе здесь придется со свежими разбираться.

Кошутлов не сомневался, что Коваленко с присущей ему основательностью возьмется за раскрытие грабежей, знал, что никакой обиды на него этот отзыв из отпуска не может вызвать — не личное здесь дело. И все же он испытывал какое-то беспокойное чувство вины перед товарищем. Пять лет без роздыха, изо дня в день, из ночи в ночь на такой кошмарной работе, как уголовный розыск, нелегко выдержать. Коваленко знал, что называется, наизусть всех местных воров и спекулянтов, и те, отдавая должное его проницательности, предпочитали действовать в соседних городах, а тамашнее ворье, в свою очередь, нет-нет да наезжало

в Киселевск и задавало порой милиции такие задачки, от которых ее начинало лихорадить.

В такой обстановке Коваленко чувствовал себя претолчно, удивляя Кошутова своим уверенным спокойствием, за которым ясно проглядывала радость бывшего охотника, напавшего, наконец, на след сильного и быстрого зверя. Тут уж Коваленко был богом, а не простым оперативником.

Кошутув вдруг вспомнил, как Коваленко в позапрошлом году осенью искал скотокрадов. Было их трое. Ночью уводили корову из чьей-нибудь стайки на окраине города и продавали в другом районе или забивали на мясо. А что значит семье остаться в голодное военное время с ребятишками без единственной кормилицы?! Коваленко такую беду собственной кожей чувствовал: у самого четверо мал мала меньше, а зарплата — от силы мешок картошки купишь.

Воров Коваленко все же настиг. Привел их. Сам выглядел хуже бродяги: щетиной зарос до ввалившихся глаз, из телогрейки торчали клочья ваты, от сапог одних голенища остались. Но, как всегда, был весел.

«Представляй, — смеется, — меня, Костя, к награде. Но не за то, что кражи раскрыл, а что казенные голенища не съел». Прикинули потом: двести с лишним километров отмахал по следам шайки.

И сколько таких дел бывало! Что ни говори, а Коваленко первым в отделе заслужил отпуск.

К тому же знал Кошутув, дома у него действительно лазарет: вслед за трехлетней Галкой заболела пятилетняя Тамара, а теперь, простудившись, слегла и жена. За первоклассником Юркой тоже глаз да глаз нужен. Так что не от хорошей жизни пошел в отпуск Коваленко.

Кошутув, чтобы как-то смягчить свое решение об отпуске, сказал примирительно:

— Ладно, Василий. Это тебе последнее задание. Раскроешь грабежи — и месяц гуляй. Что бы ни случилось, не буду дергать.

— Последняя у попа жена, — махнул рукой Коваленко, — ты осторожней с обещаниями. Лучше скажи с кем поеду Рудковского брать.

Поехали они втроем: Коваленко, участковый Бабеев и милиционер Трунов. Дрожки неторопливо бежали по малонаезженной, недавно просохшей улице и не во власти взявшего вожжи Трунова было убыстричь их бег: старый милицейский мерин, за вредный и непутевый свой нрав прозванный Оглоедом, имел одну лишь скорость, которую не могли изменить никакие понукания и физические воздействия. Впрочем никто из троих и не хотел ехать быстрее. Майское солнце, уже клонившееся к терриконам, было так приветливо теплым, что начисто забывалась казавшаяся бесконечной первая послевоенная зима, и Оглоед вроде выглядел вполне приличной и благонаправленной вотиной, и кривая улочка будто выпрямилась. И не хотелось думать о наглом воре Рудковском.

Рудковский в это время не только не радовался весне, но и вообще не глядел на белый свет. Пьяный он спал у себя в избенке на полу возле тазика, вокруг которого устроились еще двое мужиков. Они, с трудом повернув головы, тупо глянули на вошедших и, не изменив позы, снова задумчиво уставились на тазик. Один из них неверной рукой потянулся к тазу с алюминиевой кружкой. Чуть подалее у большого узла одежды лежал молодой черноволосый парень. В комнате стоял рвотный запах самогонного перегара, мощного дыма и немытых пропотевших тел.

— Во дают, во керосинят! — рассмеялся Коваленко.

но. — Чисто газовая камера. А ну, вылезай по одному на воздух!

С черноволосым пришлось возиться больше всех. У Трунова заболели ладони, пока он тер парню уши, а тот лишь слабо мыкал и все норовил ткнуться своей широкой физиономией в лужу.

— Да ну его к черту! — ругнулся Бабаев. — Пусть полежит, пока с другими во дворе разбираемся.

Разбираться пришлось долго. Медленно трезвеющие мужики со слезами лопотали об ошибках молодости, штрафбате, зануде-командире, изменщиках-бабах. Коваленко с великим трудом лишь выяснил, что мужики пришли к Рудковскому взять кое-что из тряпок своим «изменщикам» и распили магарыч.

А с чернявым разговор не состоялся. Пока Коваленко и Бабаев во дворе разбирались с пьяной компанией, он сбежал через окно.

— Ну и артист! — Трунов старался не глядеть на Коваленко. — Совсемдохлым притворился...

— Что за дружок? — спросил Коваленко у Рудковского.

Тот тяжело поглядел на него, отвернулся и, криво усмехнувшись, ответил:

— Корефан что надо. Может, встретитесь, так приветит за меня...

— И есть чем?

Рудковский в упор глянул на Коваленко, глаза сверкнули неприкрытой злобой.

— Угостит, не беспокойся. Проглотишь одну пилюльку и навек сытым будешь. Дудка у него справная.

— Дудка, говоришь? — переспросил Коваленко.

— Ничего я не говорил! — спохватился Рудковский. — Давай вези куда надо, нечего душу мотать.

Не знали о беглеце и мужики. Тот уже был у Рудковского, когда они пришли к нему с самогонкой, и ни с кем не разговаривал, пил молча.

— Пётрой его Генка называл, — припомнил один из мужиков и опасливо глянул в сторону, где ссутулившись сидел на дрожках Рудковский. — Уж так он вокруг него чечетку бил, только что в маковку не целовал!

Коваленко позвал Бабаева.

— Ты вот что, Алексей: поезжай с Рудькой и краденым барахлом в горотдел, а я тут схожу по двум-трем адресам. Вернусь через часок.

Однако ни через час, ни через два Коваленко в горотдел не пришел...

Пингвин, Мырка и Грузин пришли на лесной склад точно в назначенное Фартовым время. Он уже ждал их, злой, нетерпеливый с жестокого похмелья.

— Вы где же, фраера, ползаете? Я уж подумал и не придете. Топор взяли?

— Вот! — Грузин суетливо отвернул полу плаща.

На веревочке под мышкой висел аккуратный плотницкий топор.

— Ну, двигаем! Колупнем базу, тогда врежем. Я на четверть первача с Сычихой договорился. Самогон, он в тыщу раз лучше казенки. В казенку известку кладут, а она кишки разъедает. Ну, а может, кому шанпань больше по вкусу? Это в другой раз. С ног валит, собака! Ох, и попил я его. Падла буду, не вру. Фронтовой друг мой Гошка Арбейзян эту шанпань сам до войны гнал. Убили его, когда мы с ним в разведке были. Уж я за него покрошил гадов! Самого, правда, в руку ранило.

Они шли по обочине дороги друг за другом, и Фартовый, шагающий впереди, чувствовал, как жадно ловят его слова идущие за ним ребята. Салажня! Пингвин и Мырке по пятнадцать, Грузин на год старше! Таки только и прибираться к рукам.

Через несколько минут должна была быть торговая база и Фартовый построжал.

— Значит, действуем, как договаривались. Вы лезете на чердак, прорубаете потолок, я на стреме.

В тусклом освещении лампочек показалось широкое приземистое здание торговой базы. По территории с двустволкой за плечом медленно, и явно не настроенный спать, вышагивал сторож, рядом семенила короткими лапами собака.

— Ты что же это, сучонок? — зашипел Фартовый на Пингвина. — Баки вколачивать задумал? Ты ж говорил, что сегодня старика не будет, в гости уйдет. А? Ну, а если я сейчас твоего паршивого дедуню хлопну по темечку! Как тогда, обрадуешься? — Он подкинул на ладони пистолет.

Пингвин оторопело глядел на Фартового.

— Но ведь он в гости собирался, я точно узнал, вместе с бабой Маней. Может, кто-нибудь отговорил, я не знаю.

Фартовый длинно выругался.

— Вот и сделай с такими сопляками дело! «Баба Маня, баба Маня»! — передразнил он. — Нет, не взял бы я тебя, Пингвин, в разведку. Парню пятнадцать лет, а серьезности никакой. Пустяковое задание не выполнил. За это наказывать надо!

Фартовый вприщур жестко поглядел на Мырку и Грузина. Те отвели глаза.

— Ну, ладно, на этот раз выношу амнистию. А теперь айда на Казанку, тут недалеко. Там у знакомой старушки тридцать тысяч в чулке. Я уже присматривался к ее хибаре. Погляжу, на что вы способны. Пингвину — главную роль. Топор-то не потерял? Без мокрухи бы, конечно, лучше, но уж как получится...

Они уже подходили к намеченному домику на краю улицы, когда откуда-то сбоку выскочил на дорогу человек.

— Здравствуйте, ребята! Не найдется закурить?

У Фартового похолодело в груди. «Мильтон! Тот самый, который брал Рудковского, его голос. Не иначе, выследил. Так вот почему пингвиновский дедок в гости не ушел! Ну, гад!»

Он потянул за рукав Мырку, сунул пистолет:

— На, поддержи...

И деланно хохотнув, ответил Коваленке:

— А мы хотели у тебя, товарищ милиционер, попросить гарочку, то есть папиросочку.

И многозначительно спросил у насторожившихся Пингвина, Мырки и Грузина: — Ну как, дадим товарищу милиционеру прикурить?

Коваленко, будто не уловив иронии и тайной угрозы в словах Фартового, сожалеюще сказал:

— Ну, нет, так нет. Страсть курить захотелось, а махорка кончилась. А ты откуда знаешь, что я работник милиции?

— Да уж знаю...

— Ну, коль знаешь, тогда не надо и знакомиться. Давай-ка отпустим ребят по домам, а сами побеседуем.

Парни подвинулись к Коваленко.

— Это почему же «отпустим»? Да кто ты такой, чтоб распоряжаться? Чо тебе, комендантский час?

Коваленко, усмехнувшись, повернулся к Фартовому:

— Ишь как они за тебя. Поди, героем войны представлялся, а сам опасаясь наедине говорить.

— Ладно, подожди, хлопцы. — Фартовый встал на обочине дороги, к нему подошел Коваленко. — Ну, чего надо?

— Оружие есть?

— Нету.

Коваленко привычными движениями обхлопал Фартового.

— Ладно, нету. Куда пацанов ведешь?

— С чего взял? Они сами по себе. Гуляем, беседуем, выпить мечтаем.

— Догадываюсь, о чем ты мечтаешь. Не выйдет, пареня, со мной пойдешь.

— Да что ж это такое? — возвысил голос Фартовый, и к ним стали приближаться Мырка с Грузином. — Какой-то легавый не дает фронтовику, который кровь проливал, по улице пройти, свежим воздухом подышать.

Можно было бы взять Фартового за руку, завернуть ее за спину — на это сноровки и силы хватило бы, и повести в горотдел, но Коваленко знал, что тут же на него набросятся все парни, у одного из которых он заметил за пазухой не то выдергу, не то топор. А стрелять в этих глупых подростков, заглядывающих в рот Фартовому, Коваленко не мог.

И не это, он чувствовал, в конце концов, важно. Ну, скрутит он Фартового, подростков припугнет пистолетом, может, отстанут. Но отстанут, испугавшись, а не потому, что Фартовый ворюга и гоп-стопник. Так и останется он у них таким рисковым парнем, своим в доску.

Коваленко осуждающе покачал головой и прервал Фартового, который, ощущая поддержку подошедших дружков, распалялся все больше.

— А я ведь, Петр Якшин, или как там тебя по кличке — Фартовый, что ли? — никак тебя не обзывал, хотя узнал, как догадываешься, о тебе кое-что по мелочи. Ну, например, как ты кровь проливал. На тюремных нарах ты ее терял, когда клопов на себе давил. И ни на какой фронт тебя не посылали, потому как такой, как ты, сразу бы в плен побежал.

— Ты что, ты что волокешь на меня? — задохнулся Фартовый от неожиданности. — Ты докажи!

— А что доказывать-то? Покажи парням руку, как:

ты ее изуродовал, чтоб в армию не идти. Кажись, в срок третьем тебя выпустили? Так ты вместо того, чтоб фронту помогать, продуктовые карточки у людей воровал. Вот ихние отцы на фронте погибали, а ты их без последнего куска хлеба оставлял. А когда победу отмечали, тоже наверно пил. Может, как давеча у Рудковского после кражи нажрался, когда по собственному дерьму мордой возил...

Коваленко стоял на дороге, чуть расставив ноги, наклонив крупную голову, будто собираясь бодаться. Говорил неторопливо, выбирая слова поувесистее, погорячее. А перед ним в темноте белели четыре лица и нельзя было угадать их выражения.

Фартовый, которого словно парализовало от злобы, наконец, шевельнулся, нагнулся к Мырке, свистящим шепотом приказал:

— Бей в мильтона!

Мырка испуганно отшатнулся.

— У-у, сопля! Дай сам шмальну... — и, не дожидаясь, когда Мырка передаст ему оружие, сам рванул из его кармана пистолет и, прежде чем Коваленко, делая к нему разделявший их шаг, опустил ногу на землю, дважды нажал на курок...

Час назад дежурный передал в областное управление составленную Кошутовым телеграмму о гибели Коваленко, и теперь в своем кабинете майор с минуты на минуту ожидал звонков из Кемерова.

Конечно, первым позвонил Юренко. Сообщив об обстоятельствах происшествия, Кошутов вяло, блеклым голосом отвечал на уточняющие вопросы подполковника, который на этот раз тоже разговаривал сдержанно и тихо.

— Когда узнали о происшествии, кто сообщил?

— В час ночи, товарищ подполковник. Позвонил с шахты «Капитальная» председатель шахткома Медведев, которому о выстрелах сказал один из соучастников преступления — несовершеннолетний Селезнев, по кличке Пингвин.

— Клички меня не интересуют. Почему он заявил, мотивы?

— Не могу точно ответить, но Селезнев говорит, что ему показалось, будто Коваленко только ранен.

— Совесть что ли заговорила? Он и убийцу назвал?

— Нет, Коваленко назвал.

— Не понял. Он что, в самом деле еще жив был?

— Нет, товарищ подполковник, Коваленко был мертв. Обе пули в сердце.

— Поясни тогда мне, бестолковому!..

Кошутлов уловил в голосе Юренко знакомые ноты раздражения и представил, как он быстро забарабанил пальцами по полированной крышке стола.

— В кармане у Василия Филипповича нашли продуктовые карточки, а на них фамилия — Якшин Петр, кличка Фартовый, и адрес.

— Какое оружие изъяли у убийцы?

— Винтовку и два пистолета: ТТ, из которого стрелял, и немецкий «Лефаше».

— Грабежи на Калзагае — их?

— Видимо, нет, приметы не сходятся, но работу продолжаем. Этот Фартовый наверняка знает преступников и, думаю, назовет их.

— Грабителей надо найти во что бы то ни стало. Раскрываемость в области ни к черту, а у вас и того хуже. А теперь вот еще ЧП. Докатились...

В трубке привычно зарокотало, и Кошутлов, внутренне подбравшись, спокойно и твердо перебил:

— Вы, товарищ подполковник, еще не спросили, жаль ли погибший при исполнении служебных обязанностей лейтенант Коваленко, сколько у него детей, как

помочь семье, как похоронить... А ведете речь, о каких-то процентах... И больше не кричите на меня, иначе я подам на вас рапорт по инстанции.

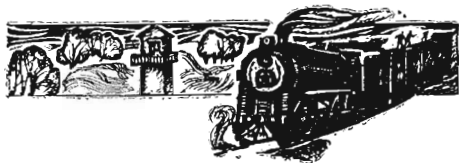
Выговорившись, Кошутлов почувствовал, как сразу же отпустила пружина, давившая его с того самого момента, когда дежурный, подняв его с постели, сообщил, что Василий убит. Он даже усмехнулся, представив, какое сейчас лицо у грозного Юренко, разговаривая с которым он до этой минуты не мог преодолеть неловкого чувства собственной неполноценности, какой-то холопской робости. Вспомнил, как однажды Василий сказал ему: «Ну что ты всегда дрожишь, как овечий хвост, разговаривая с начальством? Аж смотреть противно. Ты же не такой, Костя!»

Трубка долго молчала, и телефонистка даже спросила, разговаривают ли абоненты. Потом Кошутлов улыбался слова, которые нелегко, видимо, дались Юренко.

— Да, пожалуй, ты прав, Константин Иванович. За войну мы слишком привыкли к смерти и огрубели. Извини и спасибо. Я сам приеду на похороны Коваленко.

Кошутлов вслед за Юренко медленно положил трубку и с минуту неподвижно сидел, наблюдая за первым солнечным зайчиком на стене, затем вызвал вернувшегося из Абакана инспектора уголовного розыска Огурева, чтобы дать ему новое задание.

„ЗАЯЦ“

Судебно-медицинский эксперт установил, что смерть наступила в результате ударов тяжелым острым предметом в область теменной части головы. Этим предметом оказался обыкновенный плотницкий топор. Из сугроба торчало топорище, на котором хорошо были заметны бурые пятна. Эксперт-криминалист долго «колдовал» над топорищем, но следов пальцев не нашел. Убийца, видимо, был в рукавицах.

Владельцем топора оказался сгорбленный годами сутловатый и подслеповатый старик. Поминутно вытирая скрюченными пальцами слезящиеся глаза, он никак не мог понять, чего от него хочет милиция. Ему показали топор. Он обрадовался ему как ребенок при виде любимой игрушки.

— Вишь ты, нашелся, кормилец. А я сбился с ног, другой день его шукаю. На пензии мы с ним. В гроб ведро положить, — с мягким украинским акцентом проговорил старик.

Кто мог взять у него топор, старый плотник не знал. Жил он без детей и внуков, никто почти не заходил к нему в темный бревенчатый дом на городской окраине.

Подозревать старика в преступлении было бессмысленно. Предстояла кропотливая работа по версиям, в которых, каждый из оперработников знал, не будет недостатка.

Утром начальник уголовного розыска созвал оперативное совещание.

— Как вам всем, наверно, уже известно, вчера но-

чью, в начале двенадцатого, на улице Музейной, — майор жестко посмотрел в сторону оперативного уполномоченного, обслуживающего участок с этой улицей, — неизвестный преступник убил топором стрелка военизированной охраны Пехтереву и взял у нее наган с семью боевыми патронами. Меры по розыску убийцы приняты, но, думается, их будет недостаточно. Прошу высказывать свои соображения. Только коротко и четко. Времени в обрез.

Оперативники обменивались мнениями. Потом кто-то невесело проговорил:

— Ну, теперь он подсыплет делишек. Не нам, так в другом городе...

— Вы хотите первым, капитан? Давайте выкладывайте, — хмуро заметил майор. Но тут зазвонил телефон и он, сделав капитану знак подождать, снял трубку. Оперативники начали было негромко переговариваться, но, услышав реплики майора, насторожились.

— Да, было. Ищем... Нет, примет еще не знаем... Возможны пятна крови, топором орудовал... С наганом — семь патронов... Точно, номер этот. Сидит у вас? Ах, молодчаги! Ведь он мог их... Как они его?

Майор надолго замолчал, слушая, по-видимому, рассказ о том, «как они его». Оперативники с нетерпением ожидали конца разговора, догадываясь, что их «мокрушник» задержан.

Наконец, майор положил трубку.

— Что ж, товарищи сыщики, должен вас обрадовать. Преступник пойман. Так что капитану высказываться нет необходимости. Задержали преступника беловские милиционеры.

...Поезд Новокузнецк — Магнитогорск мчался сквозь утреннюю морозную мглу.

За окнами проплывали белые поля, мелькали про-

звонкие березовые колки, затянутые туманом поселки. Старшины милиции Сычев и Русанов начали обход вагонов с головы поезда. Остановившись в тамбуре одного из вагонов, закурили. Здесь явственно слышались паровозные вздохи.

— Ишь как вздыхает! Будто чувствует, что скоро на пенсию, — задумчиво сказал Сычев. — Ты, старшина, не знаешь, когда электровазы по всей дороге пойдут?

— Нет, старшина, не знаю. Дежурство кончится, ты звони министру путей сообщения... Он тебе точно ответит.

— С электровазом веселее...

— Один черт. Вот зарплату бы прибавили, тогда точно стало б веселее!

Старшины открыли дверь в следующий вагон. Медленно прошли его, незаметно оглядывая пассажиров, немного поболтали с разбитной веселой проводницей.

— Хотя бы чаем угостила, курносая, — сказал Русанов. — Мы, можно сказать, не смыкая глаз мужественно охраняем твой покой, а от тебя никакой благодарности.

— Ой, какие мы скромные, — пропела проводница, видимо, не уловив иронии в голосе старшины. — «Мужественно охраняем!»... Между прочим, мой покой есть кому охранять. А насчет чая, пожалуйста. Когда обратный пойдете. Только чур, не задерживаться.

Но задержаться пришлось. Гостеприимная проводница так и не дождалась милиционеров...

Он стоял на буферной площадке, скорчившись от холода. Шапка нахлобучена на глаза, обе руки засунуты за пазуху чем-то заляпанного ватника, голова втянута в плечи.

— Ты что здесь пристроился? На билете экономишь? А ну, давай в вагон!

Грохот поезда заглушал слова, и Сычеву приходи-

лось кричать, чтобы «заяц» его услышал. Тот неохотно поднял голову, оглядел старшин, буркнул:

— Не, мне и тут хорошо. На следующей все одно слазить.

— Давай, давай! А то еще свалишься под колеса. Вон как тащит...

Поезд шел на предельной скорости. За боковыми защитными гармошками свистел ветер, под ногами грохотали и ходуном ходили надбуферные горбатые пластины.

«Заяц», снова втянув голову в плечи, угрюмо молчал, как будто и не слышал приказа старшины.

— Что так и будем здесь дрожать? Шагай в тамбур! — рассердился Русанов, уже по-иному разглядывая подозрительно упрямого пассажира. — Или помочь тебе?

Русанов сделал шаг к «зайцу», чтобы взять его за рукав, и тут же отпрянул, чуть не получив удар ногой в лицо. Незнакомец, сделав отчаянный прыжок, уже забрасывал тело на крышу вагона.

— Ах, паразит!

Русанов ухватился за железную лесенку, легко и быстро подтянулся. Ветер остервенело хлестнул его, пытаясь сбросить с вагона.

«Заяц» уже топтался на другом конце вагона, видимо, не решаясь перепрыгнуть на соседний.

Сразу же вслед за Русановым на крышу вскарабкался Сычев. Не рискуя выпрямиться, он стоял на четвереньках, и, стараясь перекричать вой ветра и колесный лязг, предупреждал о чем-то Русанова. До старшин доносились обрывки слов:

— ... пасно... гись... ужие!..

Русанов, согнувшись, шагнул вперед и сразу же поскользнулся. Хорошо успел зацепиться за вентиляционную трубу.

«Проклятые валенки! Не иначе, в вагоне вступил

взду. Голорь на подошвах ледышки. С ними живо ска-
таться я, — подумал он.

Сорвал порчатку, поскреб валенок ногтями. К нему
приблизился Сычев, спросил с тревогой:

Что случилось?

Ничего хорошего, скольжу.

Тогда давай вниз! Я его сейчас в вагон загоню.

Гдо на четвереньках, где выпрямившись почти во
весь рост, Сычев споро двинулся по крыше. «Заяц» был
уже на следующем вагоне.

Русанов немного постоял и тоже осторожно пошел
вперед. «Двое не один. А что, если у беглеца в самом
дне оружие? Нет, внизу мне делать нечего. А до оста-
вших еще времени много».

Паровоз мчал зеленые вагоны по широкой белой
равнине. А по крышам несущегося в снежном вихре со-
става, в хвост его, осторожно пробирались три фигуры.
Вот передняя мягко перепрыгнула на следующую
крышу.

Встречный поезд своим густым отчаянным ревом на
мгнута придавил фигуры к покатым ребрам крыш и за-
валил их молочно-белыми клубами дыма. Прогрохотал
встречный — и фигуры снова двинулись в путь.

«Заяц» перепрыгнул на последний вагон. Следом
прыгнули и милиционеры. Беглец заметался на краю
вагона, повернул к милиционерам худое испитое лицо.
В широко раскрытых глазах стояло отчаяние. Вдруг он
спурился, сделал короткий шаг к кромке вагона и с
силой оттолкнулся. Уши резанул крик:

А-а-а!

Русанов и Сычев переглянулись и, не сговариваясь,
пятили на край ската. У обоих мелькнула мысль, что
на дай бог налететь на столб или какую-нибудь желе-
зянку, которых предостаточно вдоль дороги. Одна на-
дежда — на снег.

Прыгнули они почти одновременно и с размаху вре-

зались в рыхлый, припорошенный паровозной копотью сугроб. Вагоны прогромыхали мимо — и стало тихо.

Выкарабкиваясь из сугроба, Русанов увидел «зайца». Тот топтался неподалеку в снегу, отплевываясь и протирая рукавами глаза. Он тоже увидел старшину, лицо его перекосилось, он тяжело задышал и сунул за пазуху руку.

Русанов рванулся к нему, пробивая вязкую стену сугроба. Беглец успел вытащить наган, но в следующую минуту старшина навалился на него и подмял под себя. Исход борьбы решил подоспевший Сычев...

Вместе они вытащили «зайца» из снега, поднялись на насыпь. Подтолкнули его вперед. Сами тяжело пошли следом, плечо в плечо, изредка переговариваясь. Русанов на ходу проверил обойму отобранного нагана, нахмурился. Отшагали уже километра три. Наконец за чернели домики пристанционного поселка. Русанов повеселел:

— А что, старшина, — обратился он к другу, — на чай-то, поди, остыл, сердится курносая: обманули, мол, не пришли.

— Ничего, в новое дежурство встретимся, извинимся. Скажем, за «зайцем» охотились...

ВЫПОЛНЯЯ СВОЙ ДОЛГ

Каждый год 10 ноября, в День советской милиции, на городское кладбище Кемерова приходит отряд в милицмейской форме. В суровом скорбном молчании стоят солдаты порядка у могил соратников, погибших при исполнении служебных обязанностей. На одном из надгробий слова: «Коломейцев Анатолий Никитович. 1923—1953»... Это же имя носит одна из улиц в областном центре Кузбасса.

●

Во второй половине июня пятьдесят третьего Кемеровскую милицию начало лихорадить. Не успевали разобратъся с одним «глухим» преступлением, как возникло другое. В том, что орудует организованная шайка грабителей, скоро ни у кого не осталось сомнений. Действовали пятеро. Облюбовав магазин, они глубокой ночью расправлялись со сторожем, взламывали двери, забирали деньги и наиболее ценные товары. Счет начали с магазина орс азотнотукового завода. Затем последовал налет на магазин совхоза в деревне Мазурово.

Прошло два дня — и снова преступление, теперь в пригородной деревушке Кур-Искитим. Сторож убит, магазин основательно «вычищен».

А через несколько дней разыгралась трагедия на дороге Кемерово—Топки...

...Шофер Топкинского отделения милиции, старшина

Муштей уверенно вел машину. Позади осталась деревня Старые Топки, скоро и Кемерово. Пассажир попался неразговорчивый. О нем Муштейю известно только, что фамилия его Исаков и работает он в управлении комитета госбезопасности. Одет он в штатское. «Должно быть, капитан или старший лейтенант, для майора молод», — решает Муштей.

— Вот и ночь подползает, — вдруг задумчиво проговорил Исаков. — Включил бы, старшина, фары. А то ненароком врежемся. Хоть машина у нас и старомодная, а все равно жаль будет.

Стремительный свет фар легко распарывает сумерки, скользит по придорожным кустам. Вот он выхватил из темноты чью-то фигуру. Поодаль, на обочине, «Победа». Человек машет рукой, просит остановиться. Наверное, шофер.

— Что там у него стряслось? Останови, — говорит Исаков.

— Вот, дьявол возьми, загораем! — бодро восклицает шофер. — Не дадите бензинчику?

Парень молодой, лет двадцати, не больше. Серая в свете фар шляпа надвинута на лоб. Несмотря на бодрый голос, глаза колющие, недобрые.

Исаков выходит из машины. Небо тихое, ласковое на западе еще белесое. В придорожных кустах поет надывается невидимая ночная птица. Исаков несколько мгновений слушает и мечтательно говорит, обращаясь к незнакомцу:

— Вот заливается, а?

Тот неопределенно пожимает плечами.

Исаков, присматриваясь к нему, спрашивает:

— Как же это ты не подрастал? Далеко ли путь держишь?

— А ты гляжу, любопытный. — В голосе парня уже нет прежней бодрости. — Мы у тебя бензину просим. Если не даешь, так и скажи. Нечего допрос устраивать.

— Так ты не один едешь?

— Ну, приятель, и зануда ж ты! Катись тогда своей дорогой.

— А хамить ни к чему, — спокойно говорит Исаков. Он подходит к «Победе», заглядывает в нее. На переднем сиденье вниз лицом лежит человек.

— Что с ним?

— Выпили мы... Свалился вот...

— Не видно, что ты пил. А ну, старшина, подойди-ка сюда. Тут надо разобраться.

Лицо у парня делается напряженным, злым.

— Э, да вы легавые! А ну, не суйся!

Вдруг Исаков увидел выбирающихся из придорожной канавы двух рослых парней. У одного рука за спиной. Парни подходят явно не с добрыми намерениями.

— Не подходить! — приказывает Исаков. — Буду стрелять!

Он выхватывает из кармана пиджака пистолет и делает предупредительный выстрел вверх.

Громкий крик сзади, от «Победы», заставляет Исакова обернуться, и в тот же миг огненный удар в голову выбивает у него землю из-под ног...

...Черная весть подняла милицию на ноги: убиты лейтенант Исаков и старшина Муштей; машина, на которой они ехали, сожжена.

Оперативная группа прочесала все пригородные перелески в поисках бандитов. Под самым Кемеровом, на глухой проселочной дороге, наткнулись на помятую «Победу». Она лежала на боку, уткнувшись радиатором в кювет. На переднем сиденье проступали расплывчатые ржавые пятна крови. Было ясно, что «Победой» пользовались бандиты. Кто-то из них ранен или случилось что-нибудь другое?

Оперативники вернулись в город. Вскоре было установлено, что «Победа» принадлежит облфинотделу. Шофер поехал вечером с каким-то поручением в уни-

вермаг и не вернулся в гараж. На следующий день его труп был найден в кустах за шахтой «Пионер».

...Во всех отделениях милиции на оперативных совещаниях подробно рассматривался план, как быстрее выловить преступников. В пятом отделении инструктаж провел старший лейтенант милиции Коломейцев. Лишь несколько месяцев назад он был назначен заместителем начальника отделения и еще не привык к новой для него роли руководителя.

Войну старший лейтенант прошел разведчиком, а после демобилизации решил служить в милиции. Его направили на самый горячий участок — в ОББ, или по просту в отдел борьбы с бандитизмом. Позднее этот отдел был ликвидирован за ненадобностью, но в первые послевоенные годы ему хватало работы. В одно только пятидесятом году Коломейцев разыскал восемнадцать грабителей, выявил пятерых незаконных владельцев оружия...

...Была поздняя ночь, когда Коломейцев вернулся домой. Славка мирно посапывал в кровати, чему-то улыбался во сне. Коломейцев с удовольствием подумал, что парнишка растет крепкий и не капризный. За все время, пока жена в Новосибирске, на медицинских сборах, Славка вел себя с настоящим мужским достоинством, не жалуясь на долгое отсутствие мамы и на неизбежные неполадки в питании.

Коломейцев сбросил китель, расстегнул рубашку, взглянул на часы: ого, четвертый час! И только присел на кровать, чтоб стянуть сапоги, как во дворе тревожно заурчал мотор машины. На лестнице раздались торопливые шаги.

— Анатолий Никитич, бандиты! — выпалил милиционер, едва Коломейцев открыл дверь.

Как был в расстегнутой рубашке, только схватив пистолет, Коломейцев выскочил за дверь.

В милицейской «Победе» его уже ждали работники

уголовного розыска управления милиции Михеев, Мухаров и заместитель начальника первого отделения Леонов.

Машина вырвалась на Советский проспект и устремилась вдоль трамвайной линии к железнодорожному вокзалу. Через несколько минут Коломейцев уже знал, что произошло...

...Пост старшины милиции Белобородова был на перекрестке улицы Вокзальной и Советского проспекта. Дежурство прошло спокойно. В третьем часу ночи старшина неторопливо пошел по проспекту с тем расчетом, чтобы через полчаса быть в горотделе на улице Черняховского. Безлюдье. Но вот вдалеке замаячили две фигуры. Навстречу не торопясь шли два парня. Поравнялись. Парень в серой шляпе спросил:

— Товарищ старшина, это улица Советская?

— Да, гражданин, это Советский проспект.

Белобородов немного удивился: «Видать, нездешние, а идут не торопятся, с беспечным настроением. И вроде не пьяные».

Парни прошли. Какое-то смутное беспокойство заставило старшину обернуться. Незнакомцы стояли. Расставив для устойчивости ноги, парень в шляпе целился из пистолета. Совсем близко Белобородов увидел круглую черную пропасть пистолетного зрачка. Сраженный выстрелом в упор, он упал, не успев растегнуть кобур своего ТТ.

Очнулся старшина через четверть часа. Превозмозная боль, он приподнялся на локтях, но тут же дома, тополя и убегающие вдаль фонари — вся безлюдная улица — поплыла перед глазами. Он лег обессиленный, нашарил кобур. Она была пуста.

Белобородов не помнил, как добрался до горотдела и что говорил дежурному. Как узнал потом, говорил, что надо: о месте нападения и приметах бандитов...

— Быстрее, быстрее! — торопили оперативники шо-

фера, хотя тот и так выжимал из машины все возможное.

Вот и место покушения на Белобородова. Четверо с пистолетами наготове напряженно всматривались в темноту. Возбуждение охватило Коломейцева. Такое чувство он не раз испытывал на фронте. И вот снова, как в бою.

Старший лейтенант вспомнил первую разведку.

Тоже стоял июль, тоже была глухая ночь. Они, вдавливая себя в отсыревшую с вечера землю, пробирались во вражеский тыл. То и дело над передовой взлетали ракеты, освещая дрожащим призрачным светом изрытое снарядами поле. А потом, когда уже возвращались с задания, в них откуда-то сбоку ударил пулемет. Перед глазами вспыхнули грязные фонтанчики, потом пулеметная очередь прошла где-то сзади, у самых каблуков. Он рванулся вперед, волоча за собой «языка». Только у себя «дома» обнаружили, что зря старались: «язык» был мертв. Немецкая очередь прошла его в нескольких местах. Неудачной оказалась разведка. Но сколько потом было удачных! Славка любит, когда он рассказывает про удачные. Вытащит парадный мундир и учинит допрос!

— А вот этот орден, папка, ты за что получил? Вот этот?

Приходится туго. Орденов-то не один: два Красного Знамени, два Красной Звезды, два Отечественной войны да медалей еще сколько...

Леонов толкнул его в бок.

— Ты что это заскучал, Никитич? Боишься, бандиты ушли?

— Уйдут сейчас — завтра не уйдут... Тут не заскучаешь...

Машина выехала на перекресток Советского проспекта и улицы Вокзальной. Шофер притормозил.

— Направо, к вокзалу!

Коломейцев теперь не «скучал». Проснулось выработанное фронтовыми годами и милицейской службой чувство, предупреждающее о близости противника. Он первым заметил вдалеке у тополей четыре неясные человеческие тени: один стоял неподвижно, остальные неуклюже топтались рядом.

— Грабят, сволочи! — прошептал Коломейцев.

Шофер рванул машину.

Заметив «Победу», двое остались стоять, другие бросились в темноту.

Взвизгнули тормоза. Не дожидаясь, когда машина остановится, Коломейцев выпрыгнул. Крикнул высоким срывающимся голосом:

— Стой, руки вверх!

Из темноты грохнул пистолетный выстрел. Жи-и! — просвистела пуля. Коломейцев выстрелил в убегающую тень и хотя не увидел, как человек упал, почувствовал, что не промахнулся. Он, пригнувшись, бросился вперед, за вторым, но что-то вдруг резко ударило его в грудь. Сразу перехватило дыхание... Убегающий человек стал на глазах расплываться.

— Врешь, не уйдешь! — изо всех сил крикнул Коломейцев и, снова вскинув неожиданно потяжелевший пистолет, нажал на спусковой крючок.

Мухаров, бежавший с ним рядом, увидел, как Коломейцев споткнулся и повалился на бок, выпустив пистолет...

Хоронили старшего лейтенанта милиции Анатолия Никитовича Коломейцева ясным июльским днем. В колонне провожающих преобладал синий цвет. Шли сослуживцы погибшего. Постепенно процессия разрасталась. Присоединялись те, кто никогда раньше не встречался со старшим лейтенантом и ничего не знал о нем до этого часа. Просто слышали люди, что ночью у вокзала бандиты убили работника милиции, и не могли отказать ему в последней почести, ибо понимали, что

принял смерть старший лейтенант, выполняя свой долг..

Следователи допрашивали бандитов. Впрочем, не всех. Не мог дать своих показаний преступник в серой шляпе. Коломейцев не промахнулся. Второй бандит отстреливался до последнего патрона, но был все-таки схвачен милиционерами. На следующий день были арестованы еще три их сообщника. Следствие до конца распутало тугой клубок преступлений. Суд вынес свой суровый приговор.

СПАСИБО, ЛЕЙТЕНАНТ!

Ряд поселком занималось морозное утро. За городскими дымами уже угадывалось тусклое негреющее солнце. Всюду топили печи. Ленивые дымки на дальних телеграфных опорах тоже казались делом рук расторопных хозяев.

Лейтенант милиции Харитон Попов, участковый уполномоченный поселка Афонино, не торопясь шагал по улице. Под ногами похрустывал свежий снег.

В такой ранний час лейтенант вставал редко. У него было правило: после беспокойной ночи хорошо выспаться, чтобы весь день чувствовать себя бодрым. К тому же никогда нельзя быть уверенным, что следующая ночь не преподнесет сюрприза. Но в это утро в отделе намечалось совещание. Дисциплина есть дисциплина, хотя Попов мог объяснить свое опоздание вчерашним дорожным происшествием, с которым ему пришлось разбираться до четырех часов утра.

Беспокойно было на душе у лейтенанта, и он всячески старался изменить ход мыслей. Кто-то однажды сказал ему, что в грустные минуты полезно вспоминать о чем-нибудь приятном, к примеру, о детстве. Но детство лейтенанта было не очень веселым. В семь лет, когда умерли, не пережив друг друга, отец и мать, кончились ребяческие забавы. Жизнь у чужих оказалась тяжелой. Хватало всего: и попреков, и обид, и не-

справедливости. Нет, не стоило вспоминать детство. Вот потом, на Днепрострое,— это да! Были веселые деньки. И о службе на границе всегда вспоминается не без удовольствия. Кавалерист Попов в погранотряде был бойцом не из последних. Затем служба в милиции. Проводник СРС. СРС — это Трезор, служебно-розыскная собака. Хотя кличка не ахти какая звучная, а пес был боевой... Только проводник теперь у него другой. Ничего, славный парень. А ему, Попову, в сорок шесть лет бегать за псом уже трудновато. Отбегал свое. Да и чтоб ловить преступников, надо теперь специальное образование иметь.

Попов невольно вздохнул, припоминая недавний разговор с кадровиком из области. Да, как ни крути, ни обманывая себя, именно эта беседа, а вовсе не бессонная ночь испортила настроение лейтенанта. Разговаривали они откровенно, доброжелательно. Кадровик похвалил его, отметив, что на участке раскрыты все преступления. Однако все клонил к тому, что для работы участковым уполномоченным нужно иметь минимум среднее образование, а не восьмилетку, как у Попова. А если без среднего, то в отделе кадров получается качественный некомплект, показатели не те.

Что ж, Попов его понимал. Но и кадровик должен был бы понять его. Верно, за всю свою жизнь он так и не успел кончить десяти классов: служба отнимала все его время, скупое выделяя короткие часы на отдых, на семью. Так что же ему теперь остается делать? Уж не на пенсию ли идти? Нет, рано еще на пенсию. Опять же и раскрываемость стопроцентная. Работает не хуже других. Ничего, он еще докажет этому кадровику.

Попов приободрился, но, подходя к отделу, снова почувствовал смутную неуверенность. «А может, прав кадровик? В тираж вышел, а? Вон сколько грамотной молодежи. Я им, может, дорогу заступаю... Может, самому рапорт подать, не ждать когда сверху предложат?..»

После совещания Попов зашел к секретарю за почтой. Почта была небольшая — две жалобы, проверка адреса алиментщика и повестка следователя. Но лейтенант знал, что иногда какое-нибудь пустяковое письмо может отнять весь день. А на сегодня он наметил подежурить часок-другой на дороге, провести «крестника», вернувшегося из мест, которые принято называть не столь отдаленными, провести инструктаж дружинников. Много забот у участкового уполномоченного, и за все он в ответе.

Когда Попов выходил из отдела, его окликнул дежурный.

— Привет, Родионыч! Ты что, как день ненастный? Иль жалко «друга»? Дали ему вчера срок.

— Что дали? Кому?

— Вот те раз, забыл! Мало, значит, помучил тебя твой «двойник».

Лейтенант вспомнил. Месяц назад объявился в городе строгий участковый уполномоченный. Ходил из дома в дом и беспощадно штрафовал: за мусор во дворе, непривязанную собаку, громкие песни в неположенное время, потухшую лампочку на номерном знаке, непокрашенный палисадник — в общем, за всякую малость. Жалобщики заполнили приемную начальника милиции.

За розыск лжеучасткового взялся уголовный розыск, что «взял» его Попов. «Вострый мужик оказался, сумел где-то форму раздобыть. Вчера, значит, суд был. Сколько ж ему дали? Ладно, завтра узнаю»... — подумал Попов.

Почти весь день ушел на проверку жалоб и поиски алиментщика. Но с «крестником» он все же поговорил. Они столкнулись в темном переулке, когда Попов возвращался домой.

— Здравствуйте, товарищ начальник, — угрюмо поздоровался тот.

— Здравствуй, Владимир, — ответил Попов, подавая руку. — Прибыл, значит?

— Прибыл вот. Милиции должно быть известно.

— До срока выпустили?

— До срока...

— Ну, молодец! Тебе год давали?

— Год...

— А твоему корешу... как его?

— Ваньке Тузу? Втяпали на всю железку.

— Значит, ты вовремя взялся за ум...

— Вы помогли, спасибо...

Попов вдруг заволновался.

— Чего там! Сам бы не захотел, что я? Ванька-то вон так и не смог... А ты молодец! Ну, держись, брат!

— До свидания, Харитон Родионыч!

По каким-то едва уловимым ноткам в голосе парня Попов отметил, что не все, видимо, у него ладно. Он хотел поподробнее расспросить его, но, взглянув на летние ботинки на Вовкиных ногах (а на улице мороз!), передумал.

Худенькая фигурка «крестника» быстро растворилась в темноте.

Укладываясь спать, Попов снова с беспокойством подумал о Вовке: «Что с ним»?

В это время в дверь забарабанили, раздался захлебывающийся от волнения женский голос:

— Родионыч, беда! У Стебуновых дерутся. Сам с топором, грозитя всех порешить...

Еще издали Попов услышал пьяный гвалт и чей-то пронзительный визг. Он толкнул дверь и сразу же посредине комнаты увидел Стебунова.

С силой замахнувшись топором, он, как будто собираясь расколоть неподатливую чурку, темной глыбой надвигался на малорослого тощего человечка, который обреченно закрыл руками голову, втянул ее в плечи.

По пьяному лицу Стебунова блуждала идиотская ус-

мешка, в глазах прыгали яростные огоньки. Что-то промычав сквозь стиснутые зубы, Стебунов качнул топором...

Позже Попов удивлялся, как это он одним прыжком одолел такое расстояние. Человечек глухо вскрикнул, больше от испуга, чем от боли: топор, перехваченный Поповым, лишь вскользь задел его.

Помочь Попову увести Стебунова в отделение вызвался спасенный им человек, оказавшийся соседом Стебунова. Он, любопытствуя, поспешил на шум, ввязался в скандал и оказался под топором. Попов вспомнил его. Пустой, вздорный старикашка и великий склочник. Немало крови соседям испортил...

Прощаясь, спасенный долго тряс руку лейтенанта и уже, наверное, в сотый раз восклицал:

— Спасибо, товарищ лейтенант, большое спасибо! Если бы не вы, накрылся б я деревянным бушлатом.

Попову стало вдруг не по себе от этого усердного изъявления благодарности и он подумал о Вовке. Его хмурое «спасибо» было дороже излияний спасенного им старика.

Дома, сняв мундир, Харитон Родионович с удовольствием выпил горячего чая, который предусмотрительно приготовила жена. На ее вопрос «что случилось?» он коротко ответил:

— Так, обыкновенная драка, — и скупое рассказал о происшествии, не упомянув ни слова о попытке к убийству. Тому, что он рисковал жизнью, бросаясь на топор, лейтенант искренне не придавал значения. Он должен был броситься — и все тут. Не хватало еще, чтобы на его участке случилось убийство.

И снова вспомнил он о разговоре с Вовкой: «Неустроенный сейчас парень. На работу, видно, никто не берет, боятся. Вот он и угрюмый. А со злобы он опять может свихнуться. Завтра же утром надо позаботиться и пристроить парня». Почти в полусне он решил для себя

и мучивший целый день вопрос: рапорт на увольнение подавать и расставаться со своей суматошной работой еще не время.

На следующий день он первым делом зашел к начальнику милиции.

— Товарищ майор! Я насчет рапорта. Может, не подавать пока? Очень я хочу еще поработать. Прошу не увольнять. А за мой участок будьте спокойны, не подведу.

Начальник встал из-за стола, подошел к участковому.

— Нет, Харитон Родионыч, участок тебе придется передать другому...

Он сделал паузу, с явным удовольствием наблюдая за растерянностью лейтенанта, и продолжал:

— Да! Передашь другому, чтобы принять новый, более ответственный. Оперуполномоченным уголовного розыска решено тебя сделать, Харитон Родионыч. С отделом кадров этот вопрос я уже утряс. Согласились. Образование иметь — дело хорошее, но и с ученым лбом без практики и сноровки далеко не ускачешь. В общем, служи, лейтенант, докажи кадровикам.

От начальника Попов вышел растерянный, но счастливый...

Много лет отдал милицейской службе Харитон Родионович Попов. Не так давно по состоянию здоровья он ушел на пенсию. Но и сейчас охрану общественного порядка считает своим кровным делом, помогая милиции г. Киселевска в ее большой многотрудной работе.

ИДУ НА ЗАДЕРЖАНИЕ

До отделения неторопливым шагом полчаса. Обычно Петр так и рассчитывал, но в этот вечер вышел из дому за добрый час до развода: выгнал разговор с женой — первый такой после возвращения ее из роддома.

— Слушай, Петя! — начала Тамара тихим, не предвещавшим ничего хорошего, голосом. — Ты все же думаешь о том, чтобы сменить работу?

— Чего ее менять, мне нравится, — неохотно ответил он, соображая, как бы уйти от этой старой и неприятной, как простудный чирей, темы.

— А мне не очень, — чуточку нажала жена. — Днем ты спишь, ночью на работе. Чисто филин. Вчера опять в третьем часу явился. О деньгах я уж не говорю. Вон Сенька Анущенко по триста жене отдает, а кроме того сколько с друзьями пропивает...

— Чего хорошего!

— Я и не говорю, что пить хорошо, но деньги — дело не последнее. Детей растить надо, теперь-то их у нас трое...

Петр промолчал. Что ж, жена была по-своему, а может, и вообще права. С деньгами было туго. Однако всех денег не заработаешь, на жизнь хватает — и ладно.

— Ежели в шахту, то там и зашибить может, — попробовал он схитрить.

— Ой, ой! — деланно испугалась Тамара. — А в твоей милиции прибить будто не могут? Уж помолчал бы!

Сколько раз с разорванной одеждой приходил. Да в шахте в сто раз спокойнее. Вот возьму и не пущу сегодня на дежурство, пусть хоть сам подполковник Малышев приходит!

Вот тут Петр всердцах и начал одеваться на работу, постепенно, однако, замедляя движения: все же негоже было заканчивать вот так, на высоких нотах. В бриджи он влез моментом, валенки обувал уже не так скоро, мундир надел не торопясь, — жена все молчала. Ничего не оставалось, как медленно снять с вешалки полушубок. Он чувствовал на себе внимательный, постепенно смягчающийся Тамарин взгляд. Форма явно шла ему, мундир плотно облегал коренастую фигуру, портупея придавала строгий официальный вид и даже желтая эмблема на шапке казалась сделанной из благородного металла.

— Ладно уж, остынь, защитник порядка! — засмеялась жена. — Вижу, так и рвешься на работу. Где уж тебе с мундиром расстаться! Подойди на дочку погляди, ишь улыбается... Да рассупонься, а то сопреешь.

Крохотное розовое существо и в самом деле криво-ло губенки, будто улыбалось.

— Отпускаю, да только вовремя с дежурства приходи, а то с тебя станет на чужой подушке прикорнуть, коль жена сварливая.

«Ага, потеплела!» — воспрянул Петр, но раздеваться не стал.

Он вышел из дому, и лицо обожгло крепким морозцем, какой обязателен, как утверждают старики, на рождество христово.

Бросились в глаза курчавые седые тополя и провода, как мохнатые белые веревки, протянутые вдоль знакомой улицы, по которой Петр ходил на милицейскую службу без малого одиннадцать лет, с июня пятьдесят четвертого, как демобилизовался из армии, а вернее сказать, с того самого часа, как вернулся в Анжерку.

Вообще-то, если бы не случай на вокзале, может, работал бы сейчас спокойненько в своей Покровке, в родном колхозе имени Первого Мая, и не был бы «филином».

Он, демобилизованный воин пограничных войск, только что слез с московского поезда и в вокзале увидел жутковатую картину. У окошечка кассы, прижавшись спиной к стене, стоял рослый парень в разорванной рубаше с длинной финкой в руке. Густая толпа, полукружьем обступившая его, угрожающе гудела и колыхалась на одном месте, не решаясь подступить. Выразительная татуировка на потной груди и руках, информирующая о том, что нет в жизни «щастья», свидетельствовала о причастности парня к местам не столь отдаленным.

— Попишу фраеров, сунься кто! — по-волчьи поворачиваясь всем туловищем, сипло кричал «зэк».

«Эге, сейчас он попробует пробиться с ножом сквозь толпу и драпануть...», — оценил обстановку Петр. Он энергично протиснулся в полукруг и повернулся спиной к парню, заметив, как тот напрягся, чтобы встретить его ножом.

— Товарищи хорошие! Успокойтесь, не давите. Вы что же все на одного. Ну, малость перебрал человек, так с кем не бывает. Что, деньги вытащил? Ну, это еще разобраться надо, и не нам с вами, а милиции. — Петр сделал как бы произвольно полшага назад, к парню, чувствуя спиной озлобленный настороженный взгляд.

— Я его отлично знаю, могу, если что, даже поручиться. — Петр еще немного подвинулся в мертвую зону. — А зачем же человека самосудом уродовать.

Он уже чувствовал на затылке жаркое дыхание враги и, не оборачиваясь к нему, резко снизу вверх двинул рукой назад. Попал. Кулак угодил, видимо, под ребро. Парень утробно икнул и сломался пополам, нож звякнул о цементный пол...

Пожилой милицейский капитан, оформлявший парня в капэзэ, детально расспрашивал Петра, откуда он родом, какую специальность имеет, кто родители и даже есть ли невеста. Вызнав, что родился он под Анжеркой, в деревне Покровка, где и сейчас живет отец с мачехой, там же до армии работал в колхозе, а служил на западной границе, награжден почетным знаком «Отличный пограничник» и Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ и что на гражданке собирается снова работать в колхозе или пойдет на шахту, капитан уверенно изрек: «Нет, солдат, судьба твоя — работать у нас, на сей счет даже не сомневайся. И быть тебе со временем, если будешь служить, как служил в армии, отличником милиции — есть и у нас такой симпатичный значок. Ишь, какого верзилу взял. Много их еще будет на твоём веку, с ножиками и без».

Так и случилось, как нагадал Иван Максимович Лапик.

Оформили Петра Чередниченко милиционером во второе отделение милиции Анжеро-Судженска. И пошли чередой милицейские будни, то тихие, мирные, то головокружительно хлопотливые. И чего-чего только не случалось за эти годы! Разнимал пьяные драки, сидел в засадах, гонялся за автоаварийщиками, отбирал ножи и кастеты, ружья и обрезы, ловил бродяг по подвалам и чердакам, изымал у браконьеров взрывчатку, утихомиривал семейных дебоширов.

Но и сколько повстречал он за это время умных, интересных, образованных и благородных людей, от общения с которыми сам становился лучше. Еще минуту назад, после возни с каким-нибудь подонком, мир, казавшийся злым и несправедливым, при встрече с хорошим человеком приобретал светлые краски, и его служба в собственных глазах переставала быть неблагоприятной, выглядела необходимой.

Исполнял он свои обязанности, как давно привык де-

лать любое дело, основательно, на совесть. Поощрения не обходили его стороной. Ему присвоили звание «Отличник милиции», вручили медаль «За безупречную службу», неоднократно награждали Почетными грамотами разных степеней и денежными премиями.

— Далеко, Семеныч, пойдешь, если никто не оставит, — грубовато и немного ревниво шутили сослуживцы.

Чередниченко понимал, что милицееское дело такое: его невозможно выполнить на хорошо, плохо или на посредственно. Оценка одна: исполнил свой долг или не исполнил...

За неторопливыми воспоминаниями и размышлениями Петр не заметил, как дошел до столовой, ближайшей к отделению, и вспомнил, что забыл дома папиросы. Еще не открыв дверь, по неясному гулу, доносящемуся из обеденного зала, сразу же определил, что в столовский буфет завезли пиво. Да, знакомая картина: сдавленная нетерпеливая очередь у стойки, уставленные кружками столы, оживленный разговор «за жизнь», свидетельствующий о том, что не обошлось без более существенной, чем пиво, жидкости.

Его милицкий полушубок сразу же заметили и жаждающие на миг выжидательно притихли, но обстановка в общем-то была в пределах нормы, и Петр лишь красноречиво остановил свой взгляд на двух не в меру раскаленных физиономиях за ближним столом. Те, поняв его, неохотно встали и, стараясь идти твердой походкой, направились в раздевалку.

Получилось так, что из столовой они вышли вместе с Петром. Один из них, тот, что был по пьянее, чернявый, горбоносый, в ондатровой шапке, сразу же полез с разговором.

— Значит, в мороз и зной, днем и ночью ни сна, ни отдыха измученной душе? А, сержант?

— Такая служба, — на ходу хмуро ответил Чередни-

ченко, не почувствовав иронии. Острый нож была для него эта разогретая «ершом» общительность. Но и не ответить — тоже было глупо.

— А я вот где-то прочел, — любуясь собой, продолжала ондатровая шапка, — что без устали нести бремя, не бояться ни зноя, ни холода и всегда быть довольным — трем этим достоинствам следует учиться... — он сделал эффектную паузу и, хохотнув, закончил: — Следует учиться у осла.

— Вот что, гражданин...

— Товарищ Желтухин, если вам будет угодно, — стал уже открыто паясничать Желтухин.

— Не надо насмешничать, гражданин Желтухин. Выпили с приятелем и идите домой, а то нарветесь на неприятности. А я при исполнении.

— Слушаюсь и повинуюсь, гражданин, то бишь товарищ старший сержант. Как это у Маяковского: розовые лица, револьверт желт, моя милиция меня стережет! Иду, иду, только с вашего любезного сержантского разрешения, еще не домой, а для полного телесного и душевного ублаговторения хряпнуть еще малую толику, чтоб, как говорится, в плепорцию... А моя милиция меня сбережет. На том стояла и стоять будет русская земля!

«Фу ты, балалайка! — думал Чередниченко, наблюдая, как словоохотливый собеседник и его спутник двинулись в сторону магазина. — Начитался книжек, ишь как языком чешет. Может, даже институт имеет».

Он вздохнул. Учеба была его незаживающей болячкой. Нормально учиться ему и не довелось. Вся начальная школа пришлась на войну, а после не до учебы было: умерла мать, заболел отец, и колхозная конюховка заменила класс. Работа в милиции заставила сесть за учебники, но, бог мой! Какая это оказалась мука — начинать с азов. Теперь-то уже полегче...

Во время развода настроение поднялось: пришел

приказ о присвоении очередных званий и в списке значилась его фамилия.

— Погоны сейчас менять некогда, вручим их завтра, в торжественной обстановке, — объявил начальник гор-отдела. — В последний раз пойдете в прежних званиях.

Он поздравил каждого, говоря что-нибудь ободряющее. Чередниченко сказал:

— Желаю успехов, товарищ старшина! Передай мои поздравления жене, пусть гордится растущим мужем.

Инструктаж закончился, и наряды неторопливо разошлись по своим маршрутам.

Свой участок Чередниченко знал как собственную ладонь: улицы Коксовая, Симбирская, Заовражная, клуб шахты 5-7, двадцать шестая столовая. Рядом твердо, в ногу шагал Женя Зимин, румяный от мороза, невысокий, но широкий в кости, бодрый и веселый. Патрулировать с ним было легко и надежно, хотя был он на восемь лет моложе Петра и лишь недавно прошел на учебном пункте в Кемерове первоначальную милицмейскую подготовку. Вскоре к ним присоединились дружинники шахты 5-7. Познакомились: Сергей Ажичаков, Михаил Пещеров, Валерий Морозов.

Уже стемнело. На улице зажглись редкие фонари. Мороз усилился.

— Ну, ладно, ребята. Сейчас пройдем по участку, потом в штабе погреемся, — сказал Чередниченко как старший наряда.

— Хоть бы один захудалый дебошир, — пошутил Ажичаков, когда они после первого обхода приблизились к штабу. — Никудышный кпд. Нам-то ничего, а вот милиции зарплату не дадут.

— Жалеть тут не о чем, — не приняв шуток, отозвался Зимин. — Радоваться надо. А то, что будто бы без полезного действия ходим, воздух пинаем, так я не согласен. Людям спокойнее, если нас видят, — раз. А два — дебоширам напоминание: будешь выступать —

управа, тут она. Значит, польза от нашей с тобой службы даже тогда, когда, кажется, только ходим да по сторонам смотрим. И хорошо, если бы до своего часа без происшествий продежурили...

— Кажись, сглазил, — буркнул Чередниченко, ускоряя шаг. Впереди из белесой морозной мглы показался человек, нелепо размахивающий руками и мотающийся по дороге от обочины к обочине.

— Вдрыбага! — определил Зимин.

— Если б только пьяный. Шапки на нем нет, грабеж, поди... — Петр еще издали узнал своего недавнего многословного знакомого: Желтухин, — вспомнил он. Вид у него был совсем жалкий. Один глаз багрово заплыл, другой пьяно остекленел, из углов рта тянулась слюна.

— Вот, — он с усилием вытянул руки, пошевелил красными пальцами: — Перчатки сейчас сняли... Шапку тоже... Двое... М-мерзавцы...

— Куда они пошли? — прервал Чередниченко.

Желтухин слабо махнул рукой в сторону шахтового клуба.

— Вы останьтесь с потерпевшим, — Чередниченко показал на Морозова и Пещерова. — В штаб его. Позвоните в отделение милиции: иду на задержание.

Петр бросился вперед, сразу же с ним поравнялись Зимин и Ажичаков. Скоро клуб, ни души. Неожиданно за поворотом в проулок метнулись две долговязые фигуры. Окрик только добавил им скорости. Петру стало трудно дышать. Проклятые ремни, которыми достигается бравый вид! Может, сделать предупредительный выстрел? Ладно, еще рывок и потом... Он понял, что убегают молодые парни, один, видать, не намного старше другого, может, даже несовершеннолетние. «Нынче они как на опаре растут, а вот мозги за длиной не успевают, и в таком возрасте ребята бывают более жестоки, чем взрослые, — думает Чередниченко, чувствуя себя в полушубке, как в скафандре».

ре.— Сейчас они, дурачки, смекнут, что надо поврозь убегать».

Действительно, на перекрестке тропинок парни побежали в разные стороны. Чередниченко кинулся, как ему показалось, за более взрослым.

— Вы за тем! — крикнул он Зимину и Ажичакову.

Его беглец обернулся на крик и в этот момент Петр достал его рукой, пальцы поймали глянцеви́тый материал болоньевой куртки, но ноги скользнули с утопанной тропы и он, подминая под себя долговязого, рухнул в глубокий снег. Был момент, когда парень чуть не вывернулся, и его рука дотянулась до кобуры, но Чередниченко все же сумел надежно впечатать парня в снег. Тот, наконец, сипло выдавил: «Пусти, сдаюсь...» Петр чуть ослабил нажим и вдруг почувствовал, как что-то горячее и длинное пронзило его бок. Поймав освободившуюся руку парня, он с силой сдвинул запястье. Парень ойкнул, нож выскользнул в снег. Но теперь Чередниченко почувствовал, что с каждым мгновением теряет силы и впервые со страхом подумал, что подлый юнец, снова пытающийся вылезти из-под него, может завладеть его пистолетом. А сейчас должны подойти Зимин с дружинником. И из его же оружия... Ну, уж нет! Крови у него много, вся не убежит. Надо держать...

Зимина он увидел даже раньше, чем ожидал. Тот вел задержанного, следом шел Ажичаков.

— Держи этого, — приказал он. — Меня, кажется, порезали... Пойду доложу.

Чередниченко заставил себя подняться и, пошатываясь, двинулся к клубу. Будто издалека послышался голос Зимина:

— А ну, ложись рядом! И не двигаться!

«Правильно, Женя, — медленно подумал Чередниченко. — Это надежнее. Сейчас вот я ребят вызову и доставят их, дурачков...»

Мысли вдруг перескочили. Подумал, что завтра заканчиваются январские каникулы — снова Маньке и Тоньке в школу, что жена, наверно, еще не спит, укачивая малышку, и опять не миновать разговора о другой работе. Хорошо еще, если рана пустяковая...

Он умер, дойдя до клуба, в котором был телефон, необходимый ему, чтобы сообщить о задержании преступников.

ОСОБАЯ ПРИМЕТА

Перед следователем, худощавым молодым человеком, сидел нагловатый широкоплечий мужчина, знающий себе цену. На обычные анкетные вопросы — фамилия, год рождения, место жительства — отвечал с подчеркнутой готовностью, громко и вразумительно. Лишь в глазах таилась злая ехидная усмешечка. Однако роль смиренника ему была явно не по плечу. С каждым новым вопросом все слышнее становились в ответах резкие ноты раздражения.

— Вы знаете, Овчинников, за что вас задержали?

— Ни боже мой, даже не догадываюсь. Может, приняли за какого-нибудь преступника? Слышал, у новокузнецкой милиции это бывает.

— Вы подозреваетесь в краже из магазина. — Следователь назвал время и место совершенного преступления.

— Очень интересно! Рассказывайте дальше.

— Рассказывать придется тебе, — решительно оборвал следователь и, как предусматривал, перешел на «ты». — Действовал ты не один. Кто еще?

Овчинников раскатисто захохотал, потом, разом оборвав смех, участливо осведомился:

— Недавно работаете?

Следователь замолчал, делая вид, что растерялся от такого выпада. «Пусть потешится мужичок, порадует, что улик против него нет, пусть громко оскорбит»

ся подозрением, покуражится. А потом выдам факты. Так сказать, фактор неожиданности...»

Почувяв слабину, Овчинников пошел в наступление.

— Оно и видно, что недавно,— снисходительно, но вместе с тем со скрытой угрозой сказал он.— Однако ж провокационные вопросы уже научились ставить,— повысил он голос.— Законность нарушаете! Вместо того, чтобы искать настоящих преступников, хватаете честных граждан. Я человек достаточно образованный, чтобы...

— Чтобы лазить по магазинам? — усмехнулся следователь.— Хватит, Овчинников, театра. Твоя?

Он выбросил на стол хлопчатобумажную поношенную перчатку, искоса внимательно наблюдая за лицом Овчинникова.

Оно не дрогнуло, не покрылось испариной, как ожидал следователь, только стало чуточку тверже, напряженнее, выдавая лихорадочную работу мысли.

— Нет, не моя, такого дерьма я не ношу...

— Ну, зачем же от своего добра отказываться! А твоя престарелая мамаша Мария Терентьевна утверждает иное. Даже штопку свою признала. Продырявил, значит, работая по магазинам...

На какое-то мгновение Овчинников сник, но очень быстро снова овладел собой и виновато заулыбался.

— В самом деле моя перчаточка... — сказал он, глупо вздохнув.— Прошу извинить. Признаться, уже наскучило быть у вас в гостях, я и подумал: скажу «моя» — начнете допытываться, где да как потерял. Еще влипнешь в историю.

— Где же ты обронил перчатку?

— Да где-то на улице, не помню... Раззява, выпивши был.

— По какой улице шел?

— По Школьной. От ресторана вправо. Падал, вот там, наверно, и посеял.

— Ну, брат, заврался,— сожалеюще покачал головой следователь. — Не шел ты, а бежал. И не из ресторана, а из магазина. Сторож вам помешала. Теперь припоминаешь?

— Да, буйная у вас фантазия, ничего не скажешь! — сокрушенно вздохнул Овчинников. — Только это даже не фантазия, а бред какой-то. Как бы вы ни старались, доказать, что я грабил магазин, не сможете. Не пришьете, так сказать, дельце.

Овчинников заметно терял выдержку, и следователь быстро нанес ему еще один удар.

— Почему вдруг у тебя такая уверенность, Овчинников? Оттого, что действовал в перчатках и не мог оставить следов? Но дело в том, что перчатка, которую ты только что признал своей, следы оставила. На осколке витрины ясный такой узорчик получился, даже штопка отпечаталась и ворсинки остались. А поскольку ты человек, по твоим же словам, образованный, то должен знать, что перчатки или варежки, как и любой предмет, обладают своими, только им присущими признаками. Нет в мире даже двух абсолютно одинаковых вещей. Может быть, хочешь поинтересоваться заключением экспертизы?

— За лекцию слашибочко, но только ерунда все это.— Овчинников стал нервничать еще заметнее.— Что из того, что экспертиза выяснала? Может, в самом деле кто-нибудь в моей перчатке и брал магазин. По руке находка пришлась...

— А-а, вон мы какое колено...— разочарованно протянул следователь. — Я-то считал ты поумнее что-нибудь придумашь. Сумел же в колонии десятилетку кончить, не дурак, значит. Ну так слушай: перчатка — не главное. Сторож тебя запомнила. Живой, как понимаешь, осталась, хотя вы ее здорово стукнули. Других, к сожалению, не заметила. Будем проводить опознание?

Наконец-то, на крутой лоб Овчинникова высыпала потная изморось. Он ссутулился, голос прозвучал глухо и уныло:

— Ладно, ваша взяла. Боялся за мокруху. Записывайте подельников. Только навряд ли застанете их. Старшему простор нужен, уехать должны сегодня на фартовое дело. Без меня нынче... Пишите, что ль, пока я добрый!.. У Старшего фамилия Михайленко. Моложе меня лет на пять. Носит пушку. Приметы: есть одна на морде заметина. В драке схлопотал.

● ...Инструктаж длился дольше обычного, и Юрий Мукаров опоздал на пост. Хотя и не намного, но это было ему, всегда до секунды точному, неприятно. Он скептически размышлял над словами начальника уголовного розыска: «Будьте сегодня особенно бдительны!». Как будто они всегда не бывают «особенно бдительными»! Почитай, на каждом разводе слышит он эти дежурные слова, и они уже перестали волновать. А вот в первые дни службы тревожили. «Будьте бдительны!» — значит, в городе появились опасные преступники и, кто знает, может быть, именно ему, сержанту Мукарову, суждено задержать их. Вот и стоишь, бывало, на перекрестке, поедаясь глазами прохожих и чуть не о каждом думаешь: «Ага, это он! Рост высокий, фигура тонкая, прямая, волосы светлые, лоб низкий... Надо брать». Но оказывалось, что прохожий во все никакой не разыскиваемый вор-рецидивист, а обыкновенный порядочный гражданин, и рост у него не такой уж высокий, и волосы темнее обозначенных в приметах.

Не шел на сержанта преступник — и все тут. Мукаров, наконец, понял, что нечего и высматривать их, а надо заниматься тем, чем положено по уставу патрульно-постовой службы. Не забывать о простых наруши-

телях. Правда, если быть до конца откровенным, понял он это с помощью начальства, и при воспоминании об этом обстоятельстве у Мукарова заметно портилось настроение. Но долго быть пасмурным сержант не умел: не позволял характер. Даже штрафные талоны он отрывал с легкой укоризненной улыбкой, как бы говоря: «Эх, товарищ, такой симпатичный, а нарушаете!»

С такой же улыбкой Мукаров остановил и очередную машину. Это было такси. Шофер, не глядя, заученным движением взял за светозащитным козырьком дорожные документы, протянул их милиционеру. Мукаров заглянул в машину. Пассажиров трое, молодые. Двое на заднем сиденье в одинаковых голубых теннисках о чем-то тихо переговариваются, третий — рядом с шофером, отвернулся, уставился в боковое оконце. Что он там такое интересное увидел? Этак и шею вывихнуть можно. Гм, ничего любопытного. Идут по своим делам люди, в стороне лоточница бойко торгует мороженым.

С заднего сиденья раздался раздраженный голос:

— Ну, скоро поедем?

Действительно, пора отпустить машину. Но Мукаров медлил. Надо же глянуть на отвернувшуюся физиономию. Парень, наконец, повернулся, сердито приказал шоферу:

— Давай газуй, коль все в порядке!

На Мукарова глянуло круглое, скуластое лицо. Массивный подбородок пересекал глубокий рваный шрам. И вмиг вспомнился инструктаж. «Будьте сегодня особенно бдительны. Стало известно, что трое грабителей из группы, которая недавно ограбила магазин, собираются на «гастроли» в Прокопьевск. Все трое вооружены, один — пистолетом. Так что осторожнее. К сожалению, фотокарточек нет. Запомните приметы. Старший: фамилия Михайленко (у него пистолет), рост средний, плечи опущены, выступает кадык, волосы

черные, лицо круглое, осебая примета — на подбородке шрам...»

— О, какая встреча! — воскликнул Мукаров, незаметно расстегивая кобуру, и соображая, где находится пистолет у грабителя. — Сначала и не признал.

У парня со шрамом перекошилось лицо. В округлившись глазах страх и растерянность. Теперь не оставалось никаких сомнений, что в машине грабители.

— Выходи, Михайленко. Спокойненько и руки в гору.

Мукаров глянул в сторону двух парней, напряженно притихших на заднем сиденье.

— А вам сидеть!

Михайленко, сгорбившись и приподняв руки, неуклюже полез из машины, дверцу которой сержант предупредительно распахнул. Но только ноги его коснулись земли, он сделал дикий скачок в сторону, сунул руку за пузуху. Одновременно с треском распахнулись задние дверцы машины и мелькнули голубые тенниски. Мукаров успел все же ухватиться за рукав Михайленко, но грабитель ужом вывернулся из пиджака, вскинул пистолет. Как учили его на курсах, Мукаров, отклонясь в сторону, ударил снизу по руке. Пистолет, кувыркнувшись в воздухе, стукнул об асфальт. Михайленко бросился бежать вниз по улице, к мосту. В том же направлении рванулся один из парней, третьего Мукаров потерял из виду.

«Ух, растяпа! — ругал себя Мукаров, настигая Старшого. Уже далеко впереди, лавируя среди прохожих, мелькала голубая тенниска. — Убежит ведь, а стрелять нельзя: улица».

С Михайленко он справился быстро. Выпрямляясь, с радостным удивлением заметил неподалеку под тополями другую синюю тенниску.

«Черт, как же быть? — мучительно думал Мукаров, поторапливая задержанного. — Этого бросить нельзя,

чтоб второго задержать. За двумя зайцами погонишься...»

И тут он заметил плотную фигуру капитана Бухалова, неторопливо идущего со стороны райотдела. Мукаров подал тревожный свисток, показывая в сторону голубеющего под тополем пятна. Впрочем, показывать уже не стоило. У парня, тоже увидевшего капитана, не выдержали нервы, и он побежал, но через минуту капитан уже привел его к машине. В двух словах объяснив, в чем дело, Мукаров заторопился в сторону скрывшегося третьего парня. Правда, большой надежды, что он обнаружит беглеца, у сержанта не было. Однако вскоре он увидел его, понуро шагающим в сопровождении рослого парня. Тот отрекомендовался:

— Новиков Евгений, дружинник с КМК. Смотрю: бежит, глаза вытаращил, и свисток раздается. Не иначе, думаю, от милиции удирает. Ну, и попридержал.

Через несколько минут машина с задержанными остановилась у подъезда райотдела.

На следующий день инструктаж начался с краткого разбора действий милиционера Мукарова во время задержания опасных преступников. Начальник райотдела сначала строго отчитал сержанта. Оказалось, что Мукаров наделал кучу тактических ошибок и мог бы поплатиться за это. Однако под конец подполковник, широко улыбнувшись, сказал ободряюще!

— Однако в основном действовал сержант милиции Мукаров умело и самоотверженно. Молодец!

На разводе опять не обошлось без слов о бдительности, но они вдруг прозвучали по-новому, свежо и убедительно.

— Старшина милиции Евгений Соломонов. Со стихами. Лежал в больнице, написал. Слабые, наверно... Но уж больно ребята хорошие, о них стихами надо...

Среднего роста, худощавый, лицо бледное — не красит больничная койка! — глаза ясные, задумчивые. Почему-то не верилось, что этот человек, видимо, трепетно ожидающий сейчас оценки своего сочинения, недавно, презрев смерть, бросился под выстрелы охотничьего дробовика.

Стихи были действительно не ахти какие. Но в простеньких строчках ощущалось неподдельное стремление передать свои чувства читателям. И даже завершающий стихотворение «дежурный» куплет

И ночью, и днем, в туман, непогоду,
В бурю, мороз и полуденный зной —
Всегда ты на страже,
 всегда в карауле,
Сотрудник милиции,
 друг боевой,

звучал искренне. Возможно, такими стихи казались через призму события, в котором автор проявил настоящий свой талант: быть человеком высокого долга.

...Сумерки опускаются на село. Стадо давно пригнали, но кое-где во дворах еще певуче дзинькают о подойник тугие струйки молока. Евгений особенно любит эти тихие вечерние часы, когда остаются позади дневные заботы, которых у участкового уполномоченного всегда предостаточно. Уже шестой год, как он в милиции, и нет спокойного дня. Когда был разъездным киномехаником, и то меньше приходилось трястись по дорогам. Вот завтра надо ехать в Асановку — снова загулял один из «крестников». «На какие деньги?» — размышляет старшина, неторопливо направляясь домой после поездки в соседнюю бригаду. «Жена, наверно, опять сейчас начнет: недовомитый, только и норовишь из дому удрать. Как будто не понимает, какая у него служба. Не приедешь куда-нибудь заранее, не поговоришь вовремя с человеком — и может случиться непоправимое... Конечно, трудно ей одной управляться. Трое детей, огород. То ли отпуск взять? Дом подлатаю, картошку окучу...»

Сзади, в дальнем конце села, неожиданно раздались гулкие звуки, будто пастух щелкал кнутом.

«Кто-то стреляет...», — прислушавшись, тревожно подумал Евгений. Он повернул назад и побежал на выстрелы. Навстречу ему спешили двое подростков.

— Ой, дядя Женья! — захлебываясь от волнения, закричали ребята. — Пьяный Яцук хочет всех перестрелять. Уже своего брата поранил!

Выстрелы щелкали уже совсем близко.

«Из дробовика бьет», — определил Евгений. — Двустволка у него знатная, может хоть кого положить».

— А ну быстро домой! — прикрикнул он на подростков. — Нечего тут глазеть, не театр.

Плотные сумерки окутали дома. Фигуры людей,

столпившихся на безопасном расстоянии от ограды Яцуков, были уже плохо различимы.

— Где он? — тяжело переводя дыхание, спросил Евгений.

Ответа он не услышал. Его заглушил громкий звук выстрела со стороны яцуковской бани. Евгений бросился туда.

— Его отец с матерью в бане прячутся! — услышал он крик вдогонку.

Снова грохнул выстрел.

«Теперь надо осторожней, — приказал себе Евгений. — Продырявит запросто, а потом родных порешит. Мне необходимо его унять...»

Он поставил пистолет на боевой взвод.

Вот вырисовался низенький расплывчатый силуэт бани. Старшина лег на рыхлую землю. Где ж Яцук? Тишина. Только издали доносится приглушенный шум толпы, обсуждающей чрезвычайное происшествие, да где-то сиротливо воет собака. Яцука не видать, не слышать. Видимо, тоже прислушивается.

Но вот от стены отделилась тень, послышались грузные шаги.

— Эй, кто тут? Не подходи, изничтожу! — раздался сиплый голос.

«Неужели услышал, как я полз? — удивился Евгений. — А может, кричит просто так, на всякий случай? Все же надо к нему с другой стороны, чтобы врасплох захватить, без выстрела взять».

Он осторожно начал огигать баню. Между тем Яцуком снова овладела ярость. Он стал бить прикладом в дверь бани, выкрикивая:

— Выходь, гады! Все одно вам не жить!

В подтверждение слов грянул выстрел.

«Через дверь бьет! — мелькнула мысль у старшины. — Сразу из обоих стволов. Убьет ведь так он их».

Он вскочил, забыв про осторожность, рванулся вперед.

— Стой! Бросай ружье!

На миг Евгений заметил прямо перед собой широкую тень, вывернувшуюся из-за угла. И одновременно ударил выстрел.

Старшина упал вниз лицом, далеко вперед выбросив руку с пистолетом, и почувствовал, что теряет сознание. «Попал в живот,— со страхом подумал он.— Неужели все? Нет, нет! Надо выстрелить, заставить его бросить ружье... Но почему таким неимоверно тяжелым стал пистолет?»

Стоя в пяти шагах от распростертого на земле старшины, Яцук торопился снова зарядить еще дымящуюся от выстрела двустволку.

«Движение, еще движение... Сбесившийся зверь... Сейчас щелкнет затвор, потом...»

Собрав остатки сил, старшина приподнял дрожащей от напряжения рукой пистолет. Яцук уже клацнул затвором, но на спуск нажать не успел. Грянул пистолетный выстрел, Яцук вскрикнул...

Сознание еще не покинуло Евгения, когда он, выстрелив, бессильно ткнулся лицом в землю. «Неужели промазал? — в отчаянье подумал он.— Еще раз выстрелить не смогу...»

Но Яцук молчал, и старшина понял, что его выстрел был точным.

Поправлялся Евгений с трудом. В Юргинской городской больнице, в хирургическом отделении, быстро узнали о его героическом поступке. Сестрам и врачам десятки раз на день приходилось отвечать на вопрос посетителей: «Как здоровье старшины?» Частыми гостями были сослуживцы. Но долго задерживаться в па-

лате врачи не разрешали. Евгений обрадовался и удивился, когда однажды, вопреки всем правилам, в комнату в накинутых на плечи белых халатах ввалился целый отряд работников милиции. В дверях улыбался дежурный врач.

— Поздравляю, больной! Что же вы не сказали, какой у вас сегодня день? Или служебная тайна?

И только тут Евгений догадался, что товарищи пришли поздравить его с днем рождения.

Со своими обычными шутками-прибаутками поставили ребята на тумбочку огромный букет цветов и рядом — настольные часы.

— Вот, Евгений Александрович, тебе хронометр — следи, чтоб болезнь тут тебя долго не задержала. Гони ты ее взащей. А врачи помогут.

Евгений, смущенный и взволнованный, так же шутиливо обещал долго не занимать «койко-место».

Делегация ушла. Евгений растроганно думал о товарищах. Каждый из них чаще всего имеет дело с изнанкой жизни — такова служба! Нетрудно в такой обстановке и очерстветь. Но вот не забыли о цветах! А понадобится — пойдут на обрез и на нож... Нет, он должен как можно скорее выздороветь. Участок его беспокойный и брать ребятам дополнительные заботы накладно.

Вошла сестра. Евгений смущенно попросил:

— Дайте, пожалуйста, бумаги. Побольше.

Через несколько дней стопа чистой бумаги кончилась. Остался один листок, исписанный ровными столбиками строчек. Родились стихи о верности долгу, о суровой мужской дружбе, о милицмейской работе.

После того драматического случая кое-кто сомневался, что Соломонов изъявит желание продолжить службу в милиции. Как-никак человек заглянул в глаза смерти, а где на такой работе гарантия, что подобная ситуация не повторится.

Когда однажды при нем зашел об этом разговор, Евгений ответил:

— Из милиции бежать не собираюсь, теперь я кровью с ней связан. Служба эта мне во как нужна, боюсь, буду ли нужен я...

Говоря это, Евгений думал об образовании. В свое время ему не удалось закончить среднюю школу, а теперь уже сорок, и хотя он считался лучшим участковым в районе, приходилось носить старшинские погоны, а не офицерские, как полагается по должности.

Через год ценою бессонных ночей он сдал экзамены за среднюю общеобразовательную школу и, не разрешив себе передохнуть, с головой ушел в юридические науки. В его зачетке стало значиться: следственная работа милиции — отлично, криминалистика — отлично, уголовное право — отлично... Таков уж он, Евгений Соломонов: если что делать, так делать на высшем уровне.

Не эта ли черта сблизила его с чемпионом мира по высшему пилотажу Владимиром Мартемьяновым? Евгений гордился и дорожил этой дружбой. Некоторые из знакомых удивлялись: что общего между простым участковым уполномоченным милиции и прославленным летчиком. Общего, наверно, было много. Одинаково, например, может закончиться поединок с чудовищной скоростью в небе и схватка с озверевшим преступником на земле.

Самым горьким днем для Евгения был тот, когда он узнал, что Володя Мартемьянов погиб во время подготовки к новому чемпионату мира.

Старший лейтенант милиции Евгений Александрович Соломонов продолжает работать участковым инспектором. Только теперь, по его просьбе, ему дали другой участок — потруднее, побеспокойнее.

БЫВАЛЫЙ СТАРШИНА

Бывалый старшина — это Николай Васильевич Мурлин, командир подразделения Куйбышевского райотдела внутренних дел Новокузнецка. Правда, вид у него во все не геройский. Боевые шрамы не пересекают лицо, рост средний, даже ниже среднего, и грудь не колесом. В толпе его и не заметишь. В милиции он стал работать, не мечтая о славе пинкертонов и шерлоков холмсов, о головокружительных погонях и отчаянных перестрелках. В военкомате, куда он пришел после демобилизации из армии, в 1953 году, ему сказали:

— Служить в милиции не желаешь? Сейчас ей трудно: амнистия для заключенных, да многих, отпущенных, напрасно, кажется, выпустили.

Немного подумал солдат. В Казани, откуда он уходил в армию, родных не осталось, а в Новокузнецке живёт двоюродный брат. Город к тому же ему понравился. Вот и дал согласие.

Через неделю у бывшего старшины Советской Армии Мурлина пошел милицейский стаж. Сейчас он составляет без малого двадцать пять лет. Конечно, один стаж не делает человека бывалым. Иной больше отслужит, а вспомнить нечего. Ведь и милицейская служба всякой бывает. Но Мурлину на этот счет везло. Были и погони и перестрелки. Не раз грозили ему расправой, дважды нападали на него.

В райотделе о нем сказали так:

— Мурлин — наш Карацупа. Преступники, как мухи на мед, попадали на него.

— А сейчас?

— Не то время. Но если случается, старик наш действует без осечки. Жизни своей не жалеет...

Жара. Небо вылиняло. Народ норовит в тень, но на широкой рыночной площади деревьев нет, построек мало. Да и воскресенье — людей полным-полно. Николай Мурлин обливается потом. На нем новенькая милицмейская форма, но она не радует его. Особенно портит жизнь длинный красный шнур, петлей охватывающий воротник глухого кителя и тянущийся наискосок через грудь на пояс к кобуре. Кажется, что именно эта несуразная вожжа мешает ему свободно дышать.

Он внимательно наблюдает за разноголосой толпой.

Вот взгляд выхватывает из человеческой гущи мечущегося с растерянным видом человека.

— В чем дело, гражданин?

— Часы отобрали!

— Можете опознать?

— Да вон они!..

Мурлин нагоняет группу парней, спешащих к воротам, и окликает их.

— Ну, чего тебе? — круто оборачиваясь, спрашивает один из них. Из-под челки с вызовом смотрят прищуренные глаза.

— Отойдем в сторону. Поговорить надо, выяснить один вопрос.

— Хо, робя! Он хочет выяснить один вопрос. А этого не хочешь?

У парня из рукава выскальзывает нож, и он подносит его к лицу старшины. В тот же миг тупой удар сзади по

голове валит старшину на пыльную землю. Мурлин хватается за наган, но блестящее лезвие чиркает по шнурку, и кобуру с оружием рвут чьи-то цепкие пальцы.

Пятеро бегут по улице. За ними спешит старшина, свистком вызывая помощь. От пятерки отделяются двое и бегут в разные стороны. Мурлин продолжает преследовать троих. Вот они перемахнули через забор и топот оборвался. Видно, притаились. В щель забора старшина видит: лежат рядом трое на животах, тяжело дышат: изнемогли от бега по жаре.

Подбежали милиционеры. Мурлин подсакивает цепляется за доски и, спружинясь, перебрасывает тело через забор. Попадает на крайнего, зажимает ему голову, загибает руку за спину. Сзади спешат на помощь сослуживцы, тоже перемахивая через забор.

Через минуту Мурлин бережно прилаживает к поясу кобуру. Голова еще болит, но он рад: преступники не скрылись...

● Мужичок еле стоял на ногах. Прислонившись спиной к киоску, он громко объявлял:

— Сам пью, сам гуляю. На свои кровные. Потому как корову продал. Могу месяц пить, могу год!

Старшина посоветовал:

— Шел бы ты, купец, домой! Неровен час, попадется какой-нибудь приятель, останешься не только без коровы, но и без денег.

Мужичок внял совету и, стараясь не шататься, зашагал по улице. Мурлин долго наблюдал за его неустойчивой фигурой, невесело думал: «Дома, наверно, жена, дети, а он спокойненько корову пропивает!»

Вскоре дежурство его закончилось. Жил Мурлин на окраине города, добираться туда было долго, и он шел быстро. Вдруг до его слуха донесся слабый хрип.

Как будто на ветру глухо скрипнула незакрытая форточка. Хрип раздался из темного рва. Мурлин бросился туда и различил стоящих на корточках людей. Перед ними распластался знакомый мужичок.

После окрика старшины грабители шарахнулись в сторону. Мурлин, стреляя вверх, бросился за ними. Одного он упустил из виду, но за двоими, не желавшими разлучаться, он гнался упорно, медленно настигая их. На улице Мурманской, после того, как из пистолета вылетела пятая гильза, преступники остановились, подняли руки вверх.

Помощник дежурного заболел, и начальник приказал Мурлину заменить его. День клонился к вечеру, происшествий не было. Дежурный капитан радовался:

— Вот так бы до утра. Если до часу ничего не случится, значит до рапорта все будет в ажуре.

Но надеждам капитана не суждено было сбыться. Сначала позвонили с шахты. Ходят, мол, около проходной двое подозрительных, что-то высматривают.

Капитан ответил:

— Хорошо сейчас будем.

Мурлин встал, готовый идти, но капитан махнул рукой.

— Сиди, старшина! На каждый звонок не набегашься. Мало ли кому что мерещится. Взяли моду, чуть что, трезвонить в милицию. А не знают, что на весь райотдел одна машина, да и та на происшествия.

Через полчаса снова раздался звонок. Женщина сообщала, что какие-то оборванные мужики только что отобрали у нее хлеб и колбасу.

Дежурный разозлился:

— Неужели, гражданочка, по таким пустякам нужно беспокоить милицию? Булка хлеба и триста граммов колбасы! Тоже мне преступление!

Он с сердцем бросил трубку на рычаг, проворчал:
— Совсем совесть потеряли...

Мурлин сказал:

— Все ж давайте, товарищ капитан, я доскочу.

— Да сиди ты! На всяких шаромыг энергию тратить. Обойдется!

Уже поздно вечером прибежал запыхавшийся старичок. Тяжело навалившись на деревянный барьер, отгораживающий дежуривших от посетителей, зачастил:

— Соседка послала. Приперлись к ней какие-то двое. Накорми, мол. Сейчас сидят, едят картошку. Плохие, по всему видать, люди, товарищ милиционер!

Старшина, не ожидая ответа дежурного, решительно поднялся с места.

— Ну, иди, Мурлин, проверь. Один-то справишься?

Прежде чем войти в дом, старшина попросил старичка под каким-нибудь предлогом вызвать хозяйку. От нее узнал, что «гости» на кухне все еще едят, между собой разговаривают на каком-то чудном языке, в котором мало русских слов. Приметы настораживали: похожие приводились в одной из ориентировок на объявленных в розыск преступников.

Старшина прикинул: «Гости-то, видать, из нездешних краев. И по языку — уголовники. Оголодали, решили «заморить червячка».

— Дети есть? Уведи их из кухни и сама с ними уходи, — приказал он хозяйке.

Немного подождав, вынул пистолет, рывком распахнул дверь и властно крикнул:

— Вверх руки!

Звякнула выроненная ложка. Медленно поднялись четыре руки. Не давая опомниться, Мурлин приказал:

— Марш к стене! Шире ноги!

«Гости» четко выполнили его команду и застыли лицами к стене, опираясь на нее вытянутыми вверх руками. Старшина привычными движениями проверил их

одежду, вытащил ножи. Полез к себе в карман, чтобы достать веревочку и чуть не выругался с досады. Веревочки, которая всегда была наготове, на сей раз не было. Придется связывать ремнем. На задержанных ремней не было, стал снимать свой. Почувствовав заминку старшины, один из задержанных вдруг резким скачком кинулся к двери. Но Мурлин был настороже и успел скосить его подножкой у самого порога. Придавил к полу. Но тут, опомнившись, на него бросился другой. Вот когда Мурлину пригодился хорошо им отработанный один из приемов самбо.

Вскоре оба приятеля, связанные ремнем за руки, покорно брели в райотдел.

На следующий день Мурлина поздравляли. Он не ошибся: задержанные оказались убийцами, которых давно разыскивала милиция.

Дежурный тоже поздравил, но тут же уныло сообщил, что из-за проклятых «гостей» начальник распорядился оформить материалы на его увольнение из органов по служебному несоответствию.

Шел старшина проверять посты. На улице Обинской два парня предупредительно уступили тротуар. Даже слишком предупредительно. Старшина обернулся, и парни обернулись. Остановился — парни круто свернули в сторону, сделал к ним шаг — побежали. Тогда и Мурлин побежал: разве порядочные люди будут опасаться милиционеров? Догонять беглецов Мурлину не в новинку, но эти оказались очень прыткими. Один скрылся, но другой — потяжелее — оторваться от старшины не смог. Еще усилие — и вот он.

Но подозрительный заскочил в барак. Мурлин за ним следом. В коридоре темень — глаз выколи. Старшина остановился и стал присматриваться. И вдруг над

головой блеснуло. Приседая, Мурлин наугад с силой выбросил ногу вверх. Сапог ударился обо что-то твердое, глухо звякнул выбитый нож. Теперь порядок. Глаза уже привыкли к темноте. Рывок вперед, подножка, железный захват — и беглец лежит под старшиной.

— Не дави, слышь! Локоть ты мне сапогом разбил, — сдавленно бормочет пойманный.

— Ничего, потерпишь! Раз плохо финкой работаешь, помалкивай.

Второй беглец в тот же вечер был схвачен опергруппой на вокзале. Задержанные оказались опасными преступниками, скрывшимися от следствия.

В разговоре с Мурлиным я напомнил старшине эти случаи из его службы.

— Бывало такое, Николай Васильевич?

Он усмехнулся:

— Всякое бывало. Только теперь такие случаи — реже.

— Выходит, вам больше не везет?

— Ну, как же это «не везет!» — удивился он. — Сколько хороших перемен! Взять хотя бы форму: удобная, красивая, не в пример моей старой с красной удавкой. А машин, радиостанций сколько! И наука здорово помогает. А что этих самых схваток поубавилось, так это значит, что милиция свой хлеб не даром ест.

МАРАФОН КАПИТАНА

В Ленинске-Кузнецком капитан милиции Василий Мальков задержал трех преступников. Об этом в редакции милицейской многотиражки стало известно в тот же день, а на следующий я входил в обитую коричневым дерматином дверь с табличкой «В. Н. Мальков, заместитель начальника горотдела». Рабочий день кончился, но хозяин кабинета еще не собирался домой. На столе перед ним лежала кipa бумаг, которую он, видимо, наметил просмотреть этим вечером. Поэтому вторжение нового посетителя не вызвало у него энтузиазма. Узнав о цели моего приезда, он совсем расстроился.

— А может, не надо? — с надеждой в голосе сказал он, тоскливо поглядывая на мой блокнот. — Неудобно, право. Вместо того, чтобы организовывать борьбу с преступниками, сам гоняюсь за ними... Не прославлять, а ругать надо... К тому ж в милиции я новичок, недавно из армии.

Однако хитрость капитану не удалась. После моей длинной проникновенной речи о том, что читателям позарез нужна зарисовка о происшествии, и что я тоже должен выполнить свой корреспондентский долг, он, вздохнув, положил на бумаги тяжелое из белого мрамора пресс-папье и встал из-за стола.

— Ну, ладно, от вас, вижу, не отобьешься. Записывайте мои правдивые показания. В общем, рядовая история. Нашего читателя такими не удивишь. С лю-

бым из милиционеров что-нибудь этакое приключалось.

Капитан, двинувшись в дальний угол комнаты, начал свое повествование.

— Вчера днем жарища была. После работы сыграли во дворе в волейбол — и домой. Переодеваться не стал, так без формы и отправился. Подхожу к железнодорожному переезду и вижу на насыпи парни барахтаются: двое вцепились друг в друга, кулаки мелькают, а третий на них наскакивает, то ли пытается разнять, то ли помогает кому-то из двоих. Я, конечно, бегом туда. «Перестань! — кричу. — Я работник милиции!» Показал свою красную книжицу. Чихали они и на мой приказ и на удостоверение. Пьяные все трое, остервенелые. Двое сцепившиеся скатились с насыпи. Я туда же, вниз. А третий глыбу породы схватил и на меня. «А-а, милиция, говоришь?! Получай аванс!» Увернулся я, за руку его схватил, повернул малость. Завопил он теперь иным голосом, да так, что парни драться перестали. Один кричит: «Они, гады, с меня часы сдернули» и показывает порванный ремешок. Я ко второму: где часы? И шага к нему не успел сделать, как рванул он что есть мочи вдоль по улице, а в другую сторону второй. Тут вдруг «потерпевший» набросился с кулаками: отдай часы, они, мол, у тебя сейчас. Норовит схватить за горло, пальцы точно клещи. Знать бы, что это тоже преступник! Награбленное, видно, не поделили. А он жертву разыграл. Кой-как отбилсЯ я от него, и за одним из беглецов побежал. И, между прочим, я его быстро настиг. У какой-то изгороди хотел уже вязать. Но он меня встретил двухметровым горбылем. Сумел выбить, а то не миновать бы мне «тяжких телесных». Все же по плечу пришлось чувствительно. Догнал я его вторично в скверике, недалеко от школы. Повалил, руки к земле прижал. Сейчас, думаю, кто-нибудь поможет до милиции довести. И точно, краем глаза вижу,

зеленый «москвичок» подкатил, шофер выскочил. Через оградку — и к нам. Я еще раз получше глянул — и внутри прохладно стало. Шофер-то тот самый, который с каменюкой на меня налетал. Следил, конечно. Вижу, в руке нож поблескивает. Кривой, садовый. Сзади набегают, а мне того, который вдруг стал подо мной дергаться, раньше времени выпускать никак нельзя. И медлить опасно: сзади опасность. Выпустил лишь тогда, когда шоферюга вплотную подбежал. Замечательная все же штука самбо! Улегся он рядышком со своим приятелем. Ножик я подобрал.

Лежать, говорю, а то стрелять буду! Ничего, лежат смирно, покряхтывают только. Знали б они, что я без оружия! Отдышался немного, привел голубчиков в гор-отдел. Спокойно дошли. По дороге и о грабеже рассказали.

— Вот и все, дольше рассказывал, — завершил капитан. Нет, он нисколько не рисовался. Ему действительно казалось, что случай заурядный.

— Нечего сказать, вот и все! — откликнулся я. — Ведь могли и прикончить. А вы лишь ударом в плечо отделались?

— Как бы не так! Досталось ничего. Жена увидела разрезанный пиджак — задел-таки ножик — и устроила профилактический разговор. Я уж так и эдак. Пиджак, отвечаю, тебе жалко, что ли? Но ты же у меня мастерица штопать... И не рад был, что подольстил. Напомнила, что и трое малых детей у нас и что живот мой, если буду лезть на ножи, она заштопать, как пиджак, не сумеет. Еле-еле успокоилась. Под конец спросила строго, по-прокурорски! «А грабителей-то хоть задержал?..»

— Действительно, третий-то, «артист», скрылся?.. — спросил и я.

— Никуда он не скрылся. Нашли сразу же, дружки и назвали. А вот истинного потерпевшего и свидетелей

пришлось поискать. Признание — еще не доказательство, такие в любой момент от своих слов откажутся. Думаю, что за ними солидный хвост преступлений. Следствие выявит.

Наш разговор повернул в другое русло. Капитан оказался замечательным собеседником, остроумным и хорошо знающим жизнь. Подростком он увлекался химией. Поступил в коксохимический техникум, потом вдруг загорелся страстью к автомобилям. Работал шофером, монтером. В армии попал на границу, был помощником начальника заставы. После демобилизации надел синий мундир.

— В милиции та же пограничная служба! — как-то торжественно сказал капитан. — Там норовят перейти государственную границу, здесь переступают границы закона. И тех и других ловить надо.

Мне казалось, что он увлекся разговором и совершенно забыл о существовании «входящих и исходящих», прижатых массивным пресс-папье.

— Вот если б не бумаги! — с досадой произнес он. — Бумажный марафон из меня все жилы вытягивает. Знаю, надо изучать приказы, отвечать на запросы, писать справки, утверждать планы, а душа иногда не лежит ко всему этому. Но ничего, надеюсь в скором времени обюрократиться. Ведь любая граница без документации не обходится. А наша тем более. — И он покосился на бумаги.

Я попросил извинения, что отнял много времени.

— Э-э, не извиняйтесь. Ведь, говорите, на пользу обществу. — Улыбка удивительно шла к его круглолицему добродушному лицу. — Уж лучше вы меня извините: не оправдал ваших ожиданий, не эффектное было происшествие. Но ничего, не унывайте, — обнадежил он. — Подонков еще немало на земле. Так что приходится работникам милиции порох держать сухим. Хотя, правда, сейчас не погони и не выстрелы характерны для мили-

ции, а вдумчивая, кропотливая, порой муторная работа. Перевоспитание отщепенцев... Но и без крови — увы! — иногда не обходится.

Лицо капитана посуровело, на белом крутом лбу резко обозначились ранние морщины.

Мог ли он предполагать, что очень скоро ему самому придется гнаться под выстрелами за преступниками, самому стрелять...

...Они производили впечатление обыкновенных рабочих парней. К такси подошли в обнимку с девушками, которые не столько весело, сколько громко смеялись над какой-то шуткой. Шофер, почуяв выгодную поездку, предупредительно распахнул дверцу.

— Вам куда?

Немного сутуловатый, как все высокие люди, парень ответил небрежно:

— Давай на Соцгородок.

Километры пролетали незаметно. «Дылда», как про себя назвал таксист высокого парня, сосредоточенно глядел прямо перед собой на стремительно набегающий серый асфальт дороги и, казалось, ничто на свете его больше не интересовало. Но шофер в какой-то момент все же почувствовал на себе его мгновенный внимательный взгляд. У магазина «дылда» неожиданно бросил:

— Стой! Разворачивай машину и жди тут с бабами. Мы по-скорому.

В магазине покупателей почти не было. Дождавшись, когда и последние вышли, приятели двинулись к прилавку.

— Деньги! — приказал «дылда». — Пошевеливайся!

На женщину глянул круглый зрачок обреза.

Вопреки всем законам логики и самосохранения, продавец не обомлела, не бросилась бежать, не стала

торопливо выкладывать на прилавок выручку. Она вдруг рассмеялась.

— Ах вы, паразиты!—закричала она пронзительно.— Стреляйте, не боюсь! Но и вам тогда не уйти. Остановка автобусная рядом. Услышит народ! Не сдобровать вам тогда!..

Ее неожиданный злой смех и пронзительный голос, который, вероятно, был хорошо слышен на улице, ошеломляюще подействовал на грабителей. Они попятись к дверям, а бесстрашная продавщица еще громче поливала их сокрушительным словесным водопадом. Выругавшись, парни выскочили за дверь, побежали к машине.

Таксист опасливо скосился на короткий ствол, выставленный из-под полы. Машина рванула. Только выехав за Соцгород, шофер осмелился взглянуть на пассажира и спросить:

— Теперь куда?

«Дылда» ответил не сразу. Перебросившись несколькими непонятными фразами с сидевшим на заднем сиденье парнем, он, наконец, сказал:

— Двигай в Красноярку. Только быстро. Не сомневайся, в накладе не останешься. Ты, вижу, покладистый мужик. И смекаешь, что надо держать язык за зубами. Нас ты не видел. Ясно?

Шофер, облизнув вдруг пересохшие губы, поспешно кивнул головой...

Мальков, которому дежурный только что сообщил о происшествии в Соцгородке, распорядился о выезде оперативных групп и стал торопливо надевать мундир. Уже в дверях его остановил телефонный звонок. «Что там еще? — взяв трубку, подумал капитан, чувствуя новую неприятность.

Так оно и оказалось. Дежурный доложил, что сейчас ему позвонили из Красноярки. Двое парней с обрезамии ворвались в магазин сельпо, забрали деньги и на машине скрылись.

— Далеко не уедут, посты задержат, — размышлял вслух заместитель начальника отделения уголовного розыска капитан Супрыкин, с которым Мальков выехал на поиски преступников. — Но боюсь, Николаич, как бы на новую добычу их не потянуло, да не пустили бы в ход свои обрезы.

— Маловероятно. Теперь они с деньгами. На новое дело не рискнут. Опасаюсь другого: уйти могут. Пешком. Ведь не дураки они и знают наверняка, что мы будем разыскивать такси. Где-нибудь в поле выйдут и прости-пощай. Надежда на то, что побоятся расстаться с транспортом, решат уехать подальше. Тогда все в порядке. Или нам, или другой оперативной группе обязательно попадутся.

Но, кажется, опасения капитана оправдались. Такси под номером 94-49 будто сквозь землю провалилось. Проскочили за Красноярку, побывали в Грамотеино, доехали до Черты — безрезультатно.

— Ну, что ж, — вздохнул Мальков, — поедем до дому. Может быть, другим больше повезло. А нет — надо еще что-то предпринять. Но задержать их необходимо сегодня же. Во что бы то ни стало.

Милицейская «Волга» стремительно неслась вперед. Перед Соцгородком на обочине шоссе стояли грузовик и чуть ли не поперек дороги — номер нельзя увидеть — такси. Рядом чернела группа людей.

— Авария, что ли? — проговорил шофер.

— Час от часу не легче! — досадливо поморщился Мальков. — Хорошо, если без жертв...

Увидев работников милиции, люди бросились к ним. Перебивая друг друга, они все разом что-то громко кричали и отчаянно жестикулировали. Только один че-

ловек со страдальческим лицом молча стоял в стороне, прижимая к груди скрещенные руки, и раскачивался взад-вперед, как будто убаюкивал ребенка.

— Что случилось? — постарался перекричать галдеж Мальков. — Говорите только вы! — Он кивнул головой широкоплечему мужчине в рабочей телогрейке.

— Да мы ж и говорим! — также изо всех сил закричал тот. — Бандиты! Вот он, — говоривший показал на мужчину, нервно курившего папиросу, — специально подставил бок своей тачки нашей машине, крикнул, что везет грабителей, а они стрельнули в нашего товарища, руку перешибли. Во-о-он рвут... У-у, гады!..

Мальков увидел, как в полукилометре от дороги по черному, выметенному ветрами полю бегут два человека.

Неужели они? Сразу стало жарко. Он и капитан Супрыкин одновременно прыгнули на промороженную пахоту. Обернувшись на бегу, Мальков крикнул рабочим:

— Раненого в город! И в горотдел позвоните!

Два капитана бежали плечо к плечу, легко перескакивая большие пласты земли, вывороченные трактором. Мальков чувствовал, как сокращается расстояние между ними и беглецами, но фигурки все еще казались такими же недостижимыми, как и в начале преследования. Но вот они стали чуточку крупнее. И тут Мальков почувствовал, что дышать стало труднее. И сапоги заметно потяжелели, и длинные полы шинели почему-то путаются в ногах. Он глянул на Супрыкина: лицо красное, дыхание частое и трудное. «Слишком здорово взяли, — подумал капитан. — Так и на километр нас не хватит».

— Ты жи-лы-то не рви! — крикнул он, дав Супрыкину поравняться. — За мной все равно не угонишься. Я старый бегун...

Супрыкин молча кивнул головой. Еще несколько минут Мальков слышал за спиной свистящее дыхание и тяжелый замедленный бег, потом все стихло.

Нет, не все. Гулко стучало собственное сердце, шумнее стало дыхание. Сколько он пробежал? Два, три, четыре километра? Но фигуры приблизились. Правда, если крикнуть — не услышат. А выстрелить? Так он и знал. После выстрела, те еще шибче припустили.

«Ну, нет же, не уйдете! — Мальков отшвырнул фуражку — горячий пот заливал глаза. — Чертов тракторист! Разве можно так лахать! Наворочал, как на стройке!» — Капитан старался разозлить себя, зная, что злость прибавит сил, но злости не было, ни к преступникам, ни к лихому землепашцу, была лишь одна усталость. Каждая клеточка, каждый нерв взывали: «Остановись! Хватит! Пощади!»

Наконец, он догадался сбросить шинель. Стало легче. Беглецы тоже что-то кинули. Или обронили? Платок! Женский головной платок! Что за чертовщина? Мальков вгляделся в прыгающие спины. «Точно, баба! И как он раньше не разглядел? Вот так «бандюга»! Но рядом с ней, видимо, матерый зверь...

Как будто в подтверждение этого впереди хлестнул выстрел. «Ох и напугал! — вдруг повеселел Мальков. — Даже дробь не долетела. А стреляет потому, что выдохся... Впрочем, как и я, — горько усмехнулся он, остервенело стаскивая сапог, заупрямившийся на потной ноге. — Сюда бы товарища Болотникова или Владимира Куца...» Он снова вскочил на ноги, на бегу стреляя вверх, хриплым голосом выкрикивая:

— Стой, стой!

В ответ бухали выстрелы.

Теперь расстояние сократилось настолько, что и капитан и долговязый беглец могли вести прицельный огонь.

Капитан лихорадочно думал, может ли он позволить себе стрелять в людей. «Нет. Женщина — кто она? Вероятней всего жертва, которую грабитель не хочет по каким-то причинам бросить, и тащит с собой».

Долговязый рывком сдернул с обессилившей женщины пальто, отбросил его и, не выпуская ее руки из своей, другой свободной рукой опять выстрелил в своего преследователя.

Беглецы уже еле переставляли ноги, но и капитан больше бежать не мог. Все трое просто шли, спотыкаясь на каждом шагу.

Неожиданно пара резко сменила направление. «Ага, вот в чем дело! Впереди постройки, совхоз «Комсомолец». Конечно, не резон им к людям бежать...»

Мальков заметил у крайнего, стоящего на отшибе, дома запряженную в телегу лошадь. Задышавшись, он приказал: «Распрягай!»

Подросток, собравшийся в дорогу, мигом отстегнул вожжи, сбросил седелку, рассупонил хомут, вырвал из гужей дугу.

— Помогите, братцы, вскарабкаться, — виновато улыбнулся капитан двум подоспевшим мужчинам. — Совсем растерял силенки. Хомут оставьте, быстрее надо...

Лошадь взяла с места крупной рысью, и капитан еле удержался на теплом скользком хребте. Теперь сверху черная рябь поля заметно раздалась в границах. Справа хорошо были видны ковыляющие беглецы, слева — приближался Супрыкин. Капитан помахал ему рукой.

Когда он нагнал беглецов, те уже успели выбраться на проселочную дорогу, аккуратно простроченную телеграфными столбами. Капитан, не сомневаясь, что на этот раз его слова возымеют действие, приказал долговязому:

— Стой! Брось ружье!

От громкого выстрела обреза лошадь рванула в сторону, но Мальков, уцепившись за хомут, каким-то чудом остался в «седле». Сомнений не оставалось: бандит не думает сдаваться. Капитана охватила злость:

— Стой, негодяй! Больше вверх не стреляю!

Чертова баба! Длинный загораживался ею, как броневым щитом. Задом, мелкими шажками, согнувшись, как складной метр, он перебежал от опоры к опоре, останавливаясь на секунду, чтобы из-за них выстрелить в капитана. И все время женщина была впереди. Долго так продолжаться не могло. Любой очередной выстрел мог стать роковым. «Пора кончать», — решил Мальков.

Сразу же, как только из-за опоры грохнул выстрел, он с силой дернул узду и ударил ногами по крутым бокам лошади.

— Бросай ружье, стреляю!

Капитан с яростной решимостью поднял пистолет и вдруг увидел, что затвор у него в крайнем заднем положении. Патронник пуст. А долговязый — вот он, в трех метрах! — уже успел перезарядить обрез и вскидывает его. Из ствола вырывается ослепительный грохочущий сноп пламени...

...Супрыкин чувствовал, что сердце бьется у него где-то в горле, пересохшем, саднящем, но он все бежал и бежал, стараясь выше поднимать одеревеневшие ноги, чтобы не споткнуться. Он не мог позволить себе роскошь — упасть и хотя бы несколько секунд полежать, не двигаясь. Выстрелы, раскатывающиеся над полем, неумолимо толкали его вперед. Но все равно приземистая фигура Малькова была страшно далеко. А чуть подалее ковыляли те двое. После каждого ружейного выстрела Супрыкин замирал в тоскливом ожидании: «Споткнется Николаич, упадет?» Николаич не падал и это придавало сил. А когда он увидел Малькова на седлом коне, то и вовсе приободрился. И даже разрешил себе перейти на шаг, осмотреться. С двух сторон — от совхоза и через пахоту от невидимого отсюда шоссе — спешили люди.

А выстрелы продолжались. Теперь они раздавались

где-то за низкими реденькими кустами, торчащими на окраине поля. И вдруг все стихло. Еще через несколько мгновений по краю поля, ожесточенно взбрыкивая, промчался серый конь. С хомутом. Супрыкин рванулся вперед. Гнетущее предчувствие сковало мозг. «Неужели? Ну, конечно, ведь последний выстрел был ружейный. Эх, да как же ты, капитан?»

У раскоряченной опоры он еще издалека заметил синий мундир. Капитан лежал вниз лицом, подвернув руку. Но что это? Из-под него выглядывали подрагивающие длинные ноги в желтых туфлях. Около валялся обреза. Не замечая женщины, в страхе прижавшейся к столбу, Супрыкин бросился к распростертому телу капитана.

Мальков не очень вежливо отпихнул Супрыкина и сердито осведомился:

— Ты что, решил из меня душу вытрясти?

Супрыкин в изумлении уставился на него.

— Живой, чертушка! И этого повязал! Ну, молодец, честное слово!

Мальков с трудом поднялся на ноги:

— Ты что это, Нестерович, обо мне так хорошо говорил? Разве я убитый?

— Мысленно уже оплакивал. Сначала выстрел из ружья, потом коняка выскочил. Я и подумал...

— Да и я думал... Да вот обошлось, не дал тебе возможности блеснуть на кладбище речью...

— Ну, брось ты!..

К ним подбежали люди. Кто-то накинуд на плечи Малькова брошенную им на пахоте шинель, подали фуражку. Со стороны совхоза появился подпрыгивающий на неровной проселочной дороге милицкий газик. Вслед за ним подкатила «Волга», на которой Мальков и Супрыкин разыскивали грабителей.

По дороге в горотдел, куда везли долговязого и женщину, Мальков рассказал Супрыкину, что произо-

шло, когда испуганная ружейным выстрелом лошадь сбросила его.

— Брякнулся я на землю, вскочил. Мать честная, целехонький! А думал, что выстрелом голову снесет. Стрелял-то он с двух-трех метров. И снова заряжает, уже затвор передернул. Ох, думаю, не успею подскочить. Кричу: «Так твою так, бросай ружье!» и «Макаровым» в него! Все же восемьсот граммов весу. В скулу пистолет пришелся. Покачнулся он, обрез выронил. Ну, сбил я его, руки завернул, к земле прижал, отдышался на нем. Тут и ты примчался.

— Но как он промазал? Не мог он с двух метров промахнуться.

— Сам удивляюсь. Огонь прямо в лицо пыхнул...

Наступал холодный осенний вечер. Вылинявшее небо стало зеленеть. Над приближавшимся городом стояли сизые, чуть розовеющие с запада, неподвижные дымы. Двое задумчиво смотрели на них из оконцев машины, прислушиваясь, как уходит из перетруженных мускулов усталость.

— Интересно, куда девался второй?

— В горотделе узнаем. Наверно, допрос уже начался.

— Придется сегодня и второго искать.

— Может, уже нашли...

Долговязый, назвавшийся Котовым, с поспешностью, хорошо понятной следователю, назвал адрес второго грабителя и даже предупредил об имеющемся у него втором обрезе. Зарабатывал смягчающие обстоятельства. Он подробно и торопливо, как будто опасаясь, что ему не дадут высказаться и не зачтут его правдивые показания, рассказывал о своей жизни, мрачными и однообразными вехами которой были преступления и колонии. К моменту, когда оперативники подъехали к горотделу со вторым задержанным, протокол допроса уже

хранил на своих листах основные детали преступления и сведения о личностях грабителей.

После налета на магазин в Красноярске Виктор Конев — так звали второго грабителя — сел в первый попавшийся автобус и уехал с одной из подружек.

Котов же решил в свою Лапшиновку доехать с шиком, на такси, и не мог предположить, что казавшийся ему трусоватым шофер выкинет такой фортель: подставит машину под встречный грузовик и выдаст их.

Разъяренный грабитель разрядил обрез в подбегающую толпу и, воспользовавшись замешательством, бросился со спутницей в поле. До последнего момента он был уверен, что уйдет. Но откуда-то взялись милиционеры...

— Прыткий капитан оказался... — сумрачно сказал Котов, подписывая протокол. — Не смог я убечь...

— И не смог убить... — добавил следователь.

— Не смог... Убил бы — не сидел бы здесь... Холостой, наверно, попался...

— Кто холостой, капитан что ли? — не поняв, рассеянно спросил следователь, набирая номер телефона дежурного по горотделу.

— Патрон холостой попался, — ухмыльнувшись получившейся шутке, объяснил Котов. — Два таких взял, чтоб продавцов пугать. С метками были. Торопился, вот, видать, и перепутал.

— Жалеешь, что перепутал?

— Убил бы — не сидел бы здесь, — тупо повторил Котов.

— Сидел бы, — твердо сказал следователь. — Не сегодня, так завтра. Таких, как ты, следует определять куда надо.

Арестованного увели. Следователь распорядился доставить на допрос второго грабителя. Жесткие сроки расследования заставляли приниматься за дело сразу же, по горячим следам.

●

Спустя год Василия Николаевича Малькова перевели в Кемерово. Работал заместителем начальника самого трудного в городе Центрального райотдела милиции, начальником отдела городского управления внутренних дел. Сейчас подполковник милиции Мальков занимает ответственную должность в горуправлении милиции. Он по-прежнему бодр и энергичен.

Готовя для книги очерки о самоотверженности работников кузбасской милиции, я вспомнил и о ленинск-кузнецком марафоне подполковника.

— Писать думаешь! — мрачновато спросил он, прохаживаясь по кабинету. — А знаешь, какие у нас показатели за этот квартал? Не прославлять, а ругать надо...

Захотелось ответить этому кряжистому, широкоплечему человеку с русским добродушным лицом:

«Дорогой товарищ подполковник, многие из нас еще в долгу перед обществом. И ругать нас, где это положено, надо. Но неужели не заслужил ты и доброго слова? И в наше мирное время ты часто не знаешь, что такое спокойная ночь. В любую минуту по велению долга ради спокойствия тысяч людей ты побежишь на выстрелы, пойдешь на нож хулигана. С самого прихода в милицию бежишь ты свою марафонскую дистанцию, помогая народу избавляться от зла. С его концом будет и конец твоего марафона. Большое спасибо скажут тебе люди за благородную службу».

Но я не произнес этих слов, которые наверняка показались бы подполковнику выпренными.

ВСТРЕЧА

4 октября 1971 года разнорабочий совхоза «Заря» Промышленновского района Александр Сизиков по причине тяжкого похмелья опять не пошел на работу. Все его раздражало в это утро: и звучащая «Пионерская зорька», и выпученный глаз телевизора в углу, и яркие блики солнца на полу, и звуки из кухни, где у печи спозаранок хлопотала мать.

И уж совсем некстати заявился участковый Карпенко. Здоровенный ростом, громкоголосый и веселый, он одним своим видом вызвал у Сизикова злой протест. «Ишь, нарисовался, красавец... Лыбится. Башка, поди, не трещит... Как же, здоровье бережет, битюг!.. А чего пришел? Что-нибудь натворил я вчера?»

— Почему не на работе, Александр Михайлович? — с деланным удивлением спросил Карпенко. — Я на ферме был, ругают там тебя по всем статьям...

— Чего надо? — набычившись, перебил его Сизиков.

— Да, вежливостью мы не отличаемся, — иронично посетовал участковый и вдруг стал серьезным.

— А вот что надо. Брось свои художества, Санька, иначе снова заработаешь срок. В двадцать лет пора за ум взяться. Ведь трезвый ты — человек человеком, тихоней назовешь, а выпьешь — начинаешь выкаблучивать, кулаки распускаешь. Родная мать боится. А ведь сколько лет она воспитывала вас с братом без отца. Не становись, еще раз предупреждаю, у людей на дороге.

— А я никому свет не застю, своей дорогой иду!

— Да нет, ошибаешься. Дорога у всех людей одна-единственная — сама жизнь их, и хулиганам, вроде тебя, на ней места не может быть. Не разойтись, понимаешь...

— Ишь, как по радио шпарите, — съязвил Сизиков, чувствуя, однако, что ему бы сейчас помолчать да покаянное лицо сделать. Но слова из горла выскакивали сами собой. — И чего мне на мозги капать? Кто-то там что-нибудь наделал — сразу на меня, кому больше: срок тянул за хулиганство... Настучать каждый может...

— Узнал, что ты оружием стал увлекаться, ружьишко завел и уж бегал вчера с ним по улице, грозил кому-то, — прервал его излияния Карпенко. — Придется изъять.

— Не имеете права, за ружье деньги плочены! — закричал Сизиков. — Эту... Как ее?.. Социалистическую законность нарушаете!

— Надо же, каким словам научился. Не иначе, как в колонии. А вот вести себя по-социалистически да и просто по-человечески не привык. Выпиваешь часто, драки затеваешь. А в отношении таких действует специальный указ и называется он так: «Об изъятии огнестрельного оружия у лиц, совершающих антиобщественные поступки». Так что о законности не беспокойся. А что касается денег за ружье, то жизнь человеческая, которую ты можешь по пьянке из этого ружья порешить, дороже всяких денег.

Узкие глаза Сизикова превратились в щелочки.

— Ага, порешить бы кой-кого не мешало, развелось дешевых людишек. По мне человек дешевле стреляной гильзы!..

Карпенко изъясил у Сизикова пневматическую винтовку и обрез, сделанный из охотничьего ружья шестнадцатого калибра. Не знал он, что на чердаке под разным хламом лежит давно, еще до колонии, припрятанная Санькой «тозовка» — мелкокалиберная винтовка «ТОЗ-8»...

Лишь только уехал участковый, Санька бросился в магазин. Хотя до одиннадцати было далеко, он знал, что водку ему дадут: не город, поди, все законы соблюдать. Вернувшись с поллитровкой, торопясь налил водку в стакан, выпил, и, не дожидаясь, пока «захорошеет», налил еще. Пил молча, почти не закусывая, и растрavляющие душу мысли беспорядочно возникали в его не привыкшей размышлять голове. Ему казалось теперь, что все без исключения ждут не дождутся, когда он снова загремит в исправилку или сгорит от водки, попадет под машину, утонет в Инюшке, словом, сгинет с глаз людских. И тяжелая злоба, как грязь со дна взбаламученной лужи, все шире, все гуще расплзалась в груди. Он вспомнил все обиды: кто-то упрекнул, что не гоже такому молодому парню, как он, не ходить в вечернюю школу (за плечами всего четыре класса), кто-то называл его лодырем, хулиганом, прогульщиком, кто-то посмеивался над его профессией швеймашиниста, приобретенной в колонии. А многие просто-напросто обходили его стороной, будто тифозника какого-то, когда он бывал «в настроении».

Вдруг он вспомнил о винтовке, трахнул кулаком по столу.

— Со всеми рассчитаюсь, всех молчать заставлю!

Он взобрался на чердак, отыскал свою «тозовку», рассовал по карманам патроны.

Мать всполошилась, увидев его с оружием.

— Что с тобой, сынок? Охолонь! Ну их всех, обидчиков! Не стоят они тебя... — запричитала она.

— Молчи! Всем молчать приказываю!

Санька вскинул винтовку и вплеп пулю в экран телевизора, прицелился еще — и пуля звякнула об какую-то железку в радиоприемнике, увидел висящий в простенке подаренный ему в день рождения фотоаппарат «Зенит» и трахнул его об пол.

— Ой, с ума сошел! — прошептала мать и забилась

за печь, страхась выглянуть. Она услышала, как сын выбежал из дому и сразу же с улицы донеслись сухие щелчки выстрелов.

Сизиков вел прицельную стрельбу по односельчанам. Потом опустив винтовку, он незряче оглядел обезлюдившую улицу, медленно соображая, что ему вовсе не нужно было так вот стрелять кто попадет на мушку. У него же есть главная цель. Лейтенант милиции представлялся ему главным врагом всей его жизни.

Сизиков утром видел, как Карпенко пропылил на своем «Урале» за деревню, в сторону второй фермы.

Теперь Сизиков знал, что ему делать. Он вывел из сарайчика мопед; к раме надежно, но так, чтоб ею можно было легко воспользоваться в любую минуту, пристроил винтовку...

...Карпенко позвали к телефону, когда он, закончив намеченные дела, уже собирался поехать с фермы в Плотниково, в сельсовет. Звонили из Промышленной. Слышимость была никудышной, в трубке шипело, трещало, гудело и ухало, и Виктор с трудом разбирал слова дежурного по райотделу.

— Сейчас же... в Портнягино... Стреляет по людям (кто стреляет, Виктор не разобрал)... Группа выезжает!.. — доносились, как с того света, натужные слова дежурного.

Выбегая из конторы, Виктор привычным движением передернул затвор пистолета, поставил его на предохранитель и сунул в левый внутренний карман кителя. «Урал» легко взял с места и вот уже остались позади широкие скотные дворы и редкие домики совхозной деревеньки со скучным названием «Вторая ферма совхоза «Заря».

Он внимательно следил за дорогой, по которой ма-

шины выбили глубокие ухабистые колеи, и все-таки успевал окинуть глазом знакомую картину золотой осени. У берез, осин и черемухи уже стал облетать их огневой наряд, но они все еще были красивые и факелами пылали над убранными пшеничными полями.

Виктор думал о том, что вот уже пять лет эти хлебодородные поля обходятся без него, неплохого тракториста и комбайнера. Странное совпадение: ровно пять лет назад час в час такого же погожего дня (он запомнил: совхоз тогда первым в районе закончил уборку) начальник райотдела поздравил его со вступлением в ряды работников милиции. Многие тогда удивились его решению. Да и сам он толком не мог объяснить столь крутой поворот в жизни. Не мыслил себя без рокота тракторного мотора и — на тебе — сразу же принял предложение секретаря парторганизации идти работать в милицию. А ведь и родители, и деды-прадеды не расставались с землей, сначала украинской, потом сибирской. Старший брат Яков, сестры Антонина, Вера и Раиса прочно связали свою жизнь с сельским хозяйством, а вот он оказался блудным сыном в крестьянской династии.

Но так ли уж был этот выбор случаен? Две страницы биографии Виктора могут, кажется, в какой-то степени объяснить решение надеть милицмейскую форму.

Первая — служба в армии. Служил он на флоте, в береговой обороне, сначала старшим комендором батареи, а затем отделения. Ему нравился четкий, продуманный до минуты режим флотской жизни, и он никак не мог понять тех, кому в тягость был этот строгий, но мудрый распорядок.

И однако, несмотря на внутреннюю нетерпимость Виктора к нарушителям дисциплины, изворотливым «сачкам» и откровенным симулянтам, был случай, когда он, покрывив душой, встал на защиту крупно штрафившегося матроса. Показалось, что более мяг-

кое наказание поможет человеку исправиться. Суровые, хлестнувшие, как бич, слова командира Виктор запомнил на всю жизнь: «Благосклонность к подлецам — дань низости, если не тяга к ней...»

Потом, когда демобилизовался и стал работать, избрали его командиром сельской народной дружины, не раз вспоминал это изречение и требовал от дружинников действий строгих, решительных к нарушителям порядка. Дружина и была второй важной вехой на пути к милицмейской профессии.

Как он и ожидал, нелегким оказался новый хлеб.

И вот теперь выдавший виды служебный мотоцикл мчит его на очередное происшествие.

На четвертом километре он обогнал двух, уже, видно, порядком уставших женщин. В другой раз он не преминул бы остановиться, предложил бы подвезти: такая услуга не в тягость, а работнику милиции любая встреча с людьми на пользу. Но тревога гнала его вперед.

Виктор и Сизиков встретились на повороте дороги, в двух километрах от деревни, и с этого момента счет времени для обоих шел на доли секунды.

Сизиков на своем тарахтящем мопеде сидел выпрямившись, со строгим, чуть ли не торжественным выражением. Увидев Карпенко, он резко тормознул и соскочил с седла.

Сбросил газ и Виктор. Поправляя каску, спросил:

— Ты куда, Сизиков? Что там, в деревне, случилось?

Но вместо ответа, подняв глаза, увидел прямо перед собой, на уровне глаз черную дырку винтовочного ствола.

«Фу, черт! Где же он достал мелкашку, я ж у него давеча изъясил все оружие. Теперь, поди, не отбежешь...» — подумал Виктор.

Те десять метров, которые разделяли Виктора и Сизикова, пуля прошла, конечно, быстрее, чем Виктор

закончил эту нелепую при данных обстоятельствах мысль и успел спрыгнуть с мотоцикла, но все же, назерно, первое инстинктивное движение тела не позволило горячему кусочку металла ударить насмерть.

Виктор почувствовал, как что-то остро стукнуло в грудь у правого плеча, и тотчас его пронзила неистовая, разрывающая боль.

А Сизиков сноровисто, с тем же каменным выражением уже перезарядил винтовку и вскинул ее снова... Он мгновение помедлил, чтобы бить наверняка, но этого ничтожного мига Виктору хватило, чтобы двумя невероятными прыжками преодолеть разделявшее их расстояние, здоровой левой рукой схватить за направленный на него ствол винтовки, вырвать ее и машинально отбросить в сторону, в заросший кювет. Он пожалел, что не оставил ее у себя, когда увидел, что у растерявшегося было Сизикова в руке блеснуло лезвие ножа.

Но Сизиков и с оружием не решался напасть на него, хотя и увидел, что Карпенко ранен.

Виктор между тем с трудом сумел левой рукой из левого же внутреннего кармана достать пистолет и так же одной рукой, что без привычки тоже было непросто, повернул рычажок предохранителя. Все это он проделал, не спуская глаз с Сизикова, с лица которого сошло, наконец, мертвое выражение, сменившись при виде пистолета испуганно-отчаянным.

Виктор рассчитывал, что с перепугу Сизиков кинется на него с ножом, но тот, издав судорожный горловой звук — будто всхлипнул, вдруг бросился бежать наискосок по дороге, к недалекому березовому колку.

Поединок был выигран. По крайней мере, первая, но, как оказалось, не главная его половина.

Карпенко только подсознательно мог предполагать, насколько трудно будет довести схватку до конца. Вообще-то он мог больше ничего не предпринимать: ни-

куда в конце концов Сизиков не денется. Пусть бежит! Уже, наверное, и опергруппа в пути. А с него, раненого, никто и не спросил бы за это. Кроме главного и беспощадного начальства — совести!

Виктор крикнул: «Стой! Буду стрелять!» и выстрелил в воздух. Сизиков вздрогнул, но продолжал бежать, будто уверовав, что пуля не догонит его. Тогда Карпенко взял на прицел подпрыгивающую фигуру, опустив мушку ниже, к мелькающим кирзовым сапогам. Хотя с левой руки стрелять было непривычно, Виктор был уверен, что не промахнется! Сизиков для его «Макарова» убежал еще не так далеко. Он начал плавно спускать курок, но в последний момент взял чуть вбок. Беглец должен понять, что стрельба идет уже прицельно, а не в воздух. В него он выстрелить еще успеет, если предупреждение не остановит бегущего.

Расчет оправдался. Двух пуль, прошедших рядом с Сизиковым, было достаточно, чтобы он остановился. Потом он под дулом пистолета, неспешно отвел карпенковский «Урал» и свой мопед за обочину, в кусты. Виктор отдавал приказание как можно громче, стараясь держаться так, чтобы Сизиков не заметил, в каком он состоянии. Правый бок кителя и рукав уже давно пропитались кровью, и каждое движение вызывало нестерпимую боль, в голове нарастало тонкое комариное пение.

Сизиков и сопровождающий его лейтенант медленно двинулись по безлюдной дороге к деревне. Карпенко ждал, что вот-вот услышит привычный шум райотдельского газика и сдаст Сизикова опергруппе. Он не мог предположить, что группе пришлось задержаться в Портнягино.

Сизиков уже вскоре после начала их пути стал догадываться, что истекающий кровью участковый теряет силы, но тем не менее каждая его попытка остановить-

ся или просто замедлить темп вызывала громкий окрик. Поначалу Виктор довольно бодро покрикивал:

— Ну, что ползешь, как вошь по нитке!

Эта фраза уменьшалась с каждой сотней шагов и под конец Виктор только и мог выдыхать:

— Шире... шаг!

В теплом мерцающем тумане перед его глазами маячила спина Сизикова, бугрилась, уходя из-под ног, ровная проселочная дорога, комариное пенье в голове превратилось в пронзительный реактивный свист, который вынуждал упасть на землю, зажав уши. Но сильнее была мысль, внутренний приказ: «Не упасть!» Воображение рисовало, что будет, если он упадет. Сизиков сразу схватит его пистолет с оставшимися четырьмя боевыми патронами в обойме и с наслаждением расстреляет их в него. Потом вернется к мотоциклу. Возможно, встретит тех женщин и уж, верно, не пощадит их. На вооружении пистолет и винтовка, терять нечего...

У самой поскотины Сизиков снова остановился: ноги не шли в деревню, где он убил и ранил несколько человек, и в первый раз за время пути не услышал знакомого окрика. Он медленно повернул назад голову и увидел мутные, помертвевшие глаза лейтенанта. Они исподлобья смотрели прямо на Сизикова, но наверняка ничего не видели. Карпенко стоял, плотно сжав бескровные губы, широко расставив ноги. Пистолет в руке опущен. Сизиков осторожно, чтобы не вспугнуть долгожданный момент, повернулся всем туловищем и сделал к участковому кошачий мягкий шаг. Но тут же левая рука Карпенко дрогнула, и пистолет медленно пополз вверх.

— На-зад... Ши-ре шаг... — по слогам произнес Виктор.

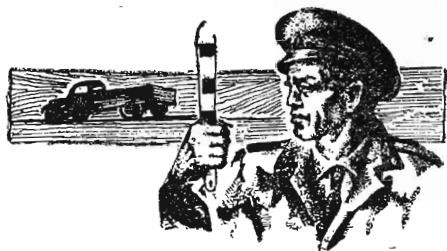
Они сделали еще с десяток шагов, потом Сизиков

снова остановился, но не затем, чтобы оглянуться на конвоира, а просто идти дальше не имело смысла.

Сначала Виктор сквозь кошмарный свист уловил шум мотора, потом различил милицмейскую форму на подбегающих к ним людях.

— Осторожно... на боевом взводе...— протягивая пистолет, успел сказать он, прежде чем потерял сознание.

ПОГОНЯ

Дежурство выпало на воскресенье. Факт сам по себе не очень воодушевляющий, к тому же, как нарочно, чтобы подразнить, выдался ослепительно солнечный денек. За окном, скрытые буйной зеленью тополей, перекрывая шум улицы, оглушительно колготели воробы, из соседнего двора временами доносился безудержный ребячий смех, методически раздавались глухие шлепки по волейбольному мячу, девичий голос по радио выводил: «Проходит только время золотое, чего же мой желанный не идет...»

Да, летечко, пора долгожданная, благословенная! И кому, нормальному, в голову придет сидеть в воскресенье при такой погоде в четырех капитальных стенах и перелопачивать бумаги.

Но график есть график, хоть и скользящий. Вот они, нормальные молодые парни, и сидят, прислушиваясь к пестрому разноголосью улицы, изредка поглядывая на часы. Лейтенант Валерий Кудинов, на сегодня назначенный ответственным дежурным по ГАИ, заполняет карточки дорожно-транспортного происшествия, рядовой Юра Ананьев делает выписки из журнала регистрации нарушений правил уличного движения и время от времени отвечает на телефонные звонки. Кудинов по должности автоинспектор, Ананьев — штатный дежурный по отделению ГАИ.

Несмотря на разницу в званиях, немногословные их биографии удивительно схожи. Оба родились в один год — сорок восьмой, в одном городе — Ленинске-Кузнецком, в рабочих семьях: у Юрия отец шахтер-проходчик, у Валерия — шофер. Оба почти одновременно вступили в комсомол, тот и другой несли службу на восточной границе недалеко друг от друга, обоим по возвращении из армии военкомат помог найти теперешнюю работу, которую повелось называть беспокойной.

Однако к нынешнему дежурству это определение никак не подходило. И телефон звонил, казалось, реже обычного, и инспектора с трасс не спешили со снятыми с машин госномераами, и начальство как будто потеряло интерес к обстановке.

Посетители были минутными, с поднадоевшими уже вопросами: когда можно сдать на водительские права, как зарегистрировать мотоцикл да какой порядок купли-продажи машины.

Лишь один, невзрачный на вид, но не по виду громогласный посетитель, заставил дежурных использовать все свое красноречие, чтобы убедить: помочь ему они при всем своем желании ничем не могут. Дело было простым и безнадежным. У мужика из стайки еще весной угнали новенький, только что купленный «Иж-Юпитер» с коляской — предмет давних мечтаний, жестокостью экономии и горячих стычек с женой, которая ни за что не хотела преждевременно стать вдовой. Воров в конце концов в какой-то деревне нашли, но от мотоцикла остались глушитель да задний щиток. Преступников судили, присудили, кроме срока, возмещение ущерба, но от этого потерпевшему не стало легче.

— Это же до скончания века ждать свои деньги! — возмущенно басил посетитель. — Какие там у них заработки!

— Я знаю, в колониях ведется агитация за досроч-

ное погашение долгов,—попытался утешить Ананьев и еще больше подлил масла в огонь.

— Хорошо вам успокаивать, не у вас машину угнали да раскурочили. Давайте, ищите части, а не то...

— Что, не то? — вступил в разговор Кудинов.

Посетитель немного подумал и вымученно засмеялся:

— А не то буду пешком ходить, вот что! Ну, что, действительно, с вас возьмешь? Чувствуете себя здесь спокойненько, как у слона в животе. Выйдете на дорогу, полосатой палочкой помашете и шабаш. А иные из вас — что я, не знаю! — без зазрения совести на асфальте кормятся. Мой сосед как выезжать на своем «Москвичонке», уже загодя «рыжий» или трояк в права сует. Штрафы вашему брату гонит, а квитанции, ой как редко, получает...

Мужика, что называется, повело в разнос, и ушел он накаленный, так и не почувствовав, чего стоило парням сдержаться, чтобы не ответить резкостью на его обывательские обвинения.

Кудинов вгорячах пошел к дежурному по горотделу выяснять, почему тот вместо того, чтобы самому разобраться с гражданином или направить его со своими претензиями в уголовный розыск, направляет его в ГАИ.

В горотдельской дежурке жизнь шла веселее, чем у них в ГАИ. На пульте, за которым восседал лейтенант Бервиков, то и дело загорались лампочки, зуммерил телефон. Лейтенант с удовольствием, будто играя в настольный хоккей, щелкал рычажками тумблеров, иногда бросал взгляд на карту-схему города, на которой кружочками, квадратиками и треугольниками, разноцветными дорожками были обозначены работающие сегодня подвижные милицейские группы, машины медвытрезвителей, маршруты пешех и моторизованных патрулей, пульты централизованного наблюдения,

опорные пункты милиции и общественности, штабы добровольных народных дружин. В общем, разрисована была дислокация всех милицейских сил и средств, полновластным хозяином которых на сутки был он, лейтенант Бервиков, недавний выпускник высшей школы милиции, о чем свидетельствовал темно-красный университетский ромб на новом, тщательно выглаженном мундире.

Уступив свое место за пультом помощнику, Бервиков подошел к Кудинову.

— Ага, ругаться пришел, что иерихонскую трубу на вас натравил? Понимаешь, жаль стало мужичка. Ему все равно кого разносить, чтоб душу облегчить, ну, а вы товарищи выдержанные, безответные. Причем, я знаю, начальник ваш проводил недавно занятие по поводу приказа товарища министра о культурном и вежливом отношении к гражданам...

— Ну, знаешь что! — не выдержав, перебил Кудинов.

— Знаю, Валера, знаю, — не дал перехватить инициативу Бервиков. — Знаю, что у тебя разряд по боксу и тебе надоело слышать мой легкомысленный треп во время нашей беспокойной, но ответственной службы. Но пойми меня своим мужественным сердцем, Валера: когда еще в этой суете сует, зовущейся милицией, удастся мне поговорить с умным человеком, представителем героической профессии гаишников!

И, не ожидая от Кудинова ответа, перевел разговор на другую тему.

— Слышал, скоро новые модифицированные машины из Тольятти повалят, с компьютером, который будет думать за бедолагу-водителя. Это точно? Якобы, тут тебе и оптимальный режим работы двигателя, и безупречное управление тормозами, и детальная информация о дороге и указательных знаках. К примеру, мчишься со

скоростью 200 км/ч в потоке машин и вдруг впереди, перед самым носом, без своевременного сигнала тормознула чья-то машина. Кажется, кранты, не избежать столкновения. Ан нет, радар на машине быстрее человеческой склеротической мысли просигналил об опасности, а компьютер автоматически погасит скорость. Или еще. Выехал шофер на незнакомую дорогу. Все данные о ней сообщит магнитофончик, стоит вставить в него кассету. К примеру, по нашим городским дорогам может быть такая информация: «Дорогой товарищ, покрытие шоссе ухабисто-выбоистое, на железку не дави. Внимание, за поворотом глубокая траншея: по генплану здесь будет через год-два что-то проложено, так что крути баранку на объезд. Еще внимание: на улице Кирпичной существует опасность наехать на железобетонную балку, которую обронули в прошлом году строители, а на улицах Базарной, Балластной, Клейзаводской и некоторых других с такими же красивыми названиями влететь в незакрытый канализационный колодец. Но особенно будь бдителен на улицах так называемого 10-го участка, безопасность движения на которых охраняет гроза шоферов Валерий Михайлович Кудинов, прозванный в народе Неумолимым...

— Ну, ты даешь! — восхитился Кудинов, воспользовавшись тем, что Бервиков на какой-то момент прервал свой монолог. — И как только с тобой Аннушка живет! А насчет автомашин с электронно-вычислительной техникой ты меня не удивил, тоже кое-что читаю, в том числе и произведения, опубликованные в весьма популярном журнале «Наука и жизнь». Артур Хейли, «Колеса».

— Точно! И все-то вы, Валера, знаете, даже неинтересно с вами. Только не знаете, где сальники достать, вторую неделю, между прочим, жду обещанного...

— Проще компьютер достать, — пошутил Кудинов. — Но я, признаться, просто забыл об этих сальниках. Завтра будут, устранивает?

Бервикова устраивало, и Кудинов вернулся в свою дежурку, где Юра Ананьев один приуныл у телефона. Кудинов хотел шутливо спросить, не о будущей ли женьтибе он задумался, но зазвонил телефон.

— Валера, надо срочно блокировать дорогу на Грамотеинский разрез. Угон...

В трубке слова стали вдруг невнятными, далекими: Бервиков, видимо, отставив ее, отдавал кому-то распоряжения, и Кудинов, ожидая продолжения разговора, дал знак Ананьеву собираться.

— Угон, говорю, — через несколько минут снова громко раздалось в трубке. — ЗИЛ-164, госномер 41-28 КЕЛ, зеленый, от шестьдесят четвертого магазина. Дороги на Лапшиновку, на Дачный поселок, на четвертый и десятый участки перекрываю, ПМГ по рации уже вызваны, а на Грамотеинский путь открыт. Давай!

Их мотоцикл выскочил на малолюдную улицу Энгельса, где можно было надрать оборотов, чуть тише проскочили по Кирова и снова на предельной скорости понеслись по улице Суворова. Асфальт здесь был отличный, зря злословил насчет дорог Бервиков, и Кудинов ощутил радостное возбуждение от быстрой езды. Водил он мотоцикл классно, это ни у кого в горотделе не вызывало возражения и сам он знал, что мало кому уступит в мастерстве. Отцовская выучка!

Ему было лет десять, когда отец доверил баранку своего старенького, но безотказного «Захара». ЗИС-5, управляемый вспотевшими вдруг руками, строптиво подергиваясь, сделал на пустыре широкий неровный круг. «Давай еще!» — сказал отец. На втором круге машина стала послушней, шла шибче и отец одобрительно определил: «Быть тебе, Валерка, шофером! Только помни, сынок, водителем быть — не баранку крутить, а железную машинную душу до каждого винтика чувствовать. Сел за руль, зажигание включил, сразу, не рви, а двигатель прежде послушай. И вообще,

только когда матчасть назубок узнаешь, когда дорогу научишься понимать и будешь с машиной как с верным другом, тогда и газуй. Она, машина, для скорости и создана. Но боже тебя упаси как-то оскорбить ее, ездить на покалеченной, рвать без смысла или быть выпимши. — Отец начал распаляться: — Ты ж, пьяная свинья, забираясь в кабину, всех обижаешь: не только себя, но и тех, кто придумал этот мотор, и кто делал его, и кто строил дорогу, надеясь, что будет она служить хорошим людям, чтоб ускорить хорошие встречи друг с другом. И своего брата водителя смертельно оскорбляешь: Он на трассе тебе как себе верит, а ты ему, нажравшись, подлость приготовил. А шофер — открытая душа, он и грубый, может, да в душе благороднейшего».

Может быть, и не так говорил Михаил Сергеевич, даже наверняка не так, но в этом ли дело? Главное, что было такое благословение, слова которого он помнил, когда десятиклассником впервые заводил дорогой отцовский подарок — мотоцикл ИЖ-49, когда после сельскохозяйственного техникума работал в колхозе механиком, когда в армии по фантастическому бездорожью водил большегрузный трехосный автомобиль.

Его решение после армии пойти в ГАИ поначалу даже обескуражило отца — уж очень хотелось, чтоб работали они в одной автобазе, из одного окошка получали зарплату.

— Значит, с шоферами воевать? Отца, конечно, в первую очередь заловишь... На его новеньком БелАЗе. Вот жизнь! Вырастил на свою голову. Родной сын на шоссейке с компостером...

Пошутить отец любил, но в конце сказал серьезно:

— Стоящая работа. Кажется, для нас, шоферов, автоинспектор — первый враг. Хотя и все будто бы с машиной у тебя в порядке, а увидишь «Сережу», как мы сержантов называем, и очко заиграет, вдруг что-ни-

будь обнаружится: люфт больше допустимого или ручник не работает, или резина лысая, масло течет, задний фонарь не горит. Ко всему ведь можно придраться. И придираются, и с линии убирают. Однако скажу: правильно придираются! Иной пустячок жизни может стоить. Вон давеча Пашка Лукин при повороте в кювет кувыркнулся, выяснилось, подвел люфт рулевого колеса. И оказывается, не враг тебе сержант, а друг. Правда, милицию у нас еще многие не любят — вишь, не дают двигаться как попало, но что поделаешь. Так что надевай свою милицейскую робу, не стесняйся, и шагай — не спотыкайся...

Мотоцикл вырвался на окраину города. Прямая, глянцевитая лента шоссе, пустынная в этот день, пролегла к разрезу. Здесь можно остановиться, понаблюдать за проходящими машинами.

Сидящий в коляске Ананьев что-то крикнул, ткнул жезлом по ходу движения. Кудинов уже увидел: на встречу мчался грузовик, да, ЗИЛ-164. Хорошая машина, подумал Кудинов и машинально, по старой студенческой привычке, определил: сто лошадей, двигатель четырехтактный, карбюраторный, шесть цилиндров в ряд, пять передач вперед и одна назад... Автомобиль старался держаться середины дороги, но его то и дело вело по сторонам. Они сразу, хотя еще и не различили номер, определили, что это угнанная машина. Только как она оказалась за городом? Где-то, значит, сумела проскочить через посты и теперь опять шурует в город на поиски приключений. Ананьев поднял жезл, но по тому, как машина прибавила ходу, понял, что она не остановится. Грузовик летел прямо на мотоцикл, который Кудинов развернул на левой обочине. Ближе, ближе... Уже отлично видно водителя: красная физиономия, тупая ухмылка. Он крутанул баранку, когда до мотоцикла оставалась два-три метра, только веером брызнула из-под колес мелкая галька с обочины.

ЗИЛ чудом не перевернулся, пересек дорогу и, не сбавляя скорости, запылил по окраинной улице. Улица была по-деревенски широкая, мирная. На ней, очень даже вероятно в такую погоду, мальчишки могли гонять футбол, спокойно шагать по своим делам взрослые. И хотя Кудинов яростно жал на сигнал, зазевавшемуся прохожему осталось бы слишком мало времени, чтобы увернуться от бешеного автомобиля. Дважды Валерий обгонял машину, перегораживал путь. Дважды лишь в доли секунды он успевал рвануть мотоцикл в сторону, чтобы не оказаться под колесами. И каждый раз, когда «ЗИЛ» проносился мимо, они видели ухмылку пьяного «в дупель» водителя. Теперь он ухмылялся не тупо, как прежде, а с открытым злорадством. Видимо, этой роже нравилось мчаться на чужой машине, не разбирая дороги. И будь перед ним деревянный забор или живой человек, он с одинаковой легкостью сомнет их и не оглянется.

Грузовик все прибавлял и прибавлял скорость. Кудинов глянул на спидометр мотоцикла: так, за восемьдесят километров, сверхмаксимальная скорость для таких «зилов», в каждую секунду двадцать три метра. Если бак полный, хватит погони за пятьдесят с лишним километров. Он даже усмехнулся от такой несуразной мысли. Какие там километры, когда каждую секунду может произойти авария!

Они уже неслись по другой, такой же, к счастью, малолюдной улице, но ведущей прямо к центру, и тут увидели, как впереди из переулка на середину улицы вывалила праздничная толпа: яркие платья, размашистые движения, высокий чубатый парень с растянутой на сколько хватило рук гармошкой, девушка в белом. Свадьба! Угонщик и не подумал сбавить скорость, да и поздно было. Кудинов снова неистово нажал на клаксон, Юрий, пристав из коляски, кричал, чтоб люди разбегались, и остервенело махал жезлом. Куда там,

никто не обернулся! Видно, за песней никто не слышал сигналов и шума моторов, Кудинов глянул на Юрия. Тот, чуть изменившись в лице, понимающе кивнул головой. Оставалось одно: опять ставить мотоцикл перед машиной.

Но им повезло. Кто-то из компании все же обернулся, закричал, веселое шествие вмиг раздвоилось и по образовавшемуся узкому коридору, чуть не задев крайних, в пыли и сизых клубах выхлопных газов проскочили мотоцикл и грузовик. Промелькнули белые лица, чей-то в крике открытый рот, цветастые меха гармошки.

Приближался перекресток с улицей Кирова, одной из самых оживленных в городе. Сложный перекресток. Здесь магазины, автобусная остановка, бойкое движение всех видов транспорта. Беды не миновать. Валерий еще раз попытался закрыть дорогу, но грузовик обойти не удалось: «ЗИЛ» теперь, на сузившейся улице, просто не давал обгона, при каждой попытке маневра загораживая собой путь. Ананьев наклонился к Валерию, прокричал:

— Давай сзади! Попробую перемахнуть!

Кудинов отрицательно мотнул головой. Большой риск. Вплотную приблизиться к заднему борту труда не составит, но вдруг угонщик решит тормознуть, ведь он неотрывно следит за ними в зеркало заднего вида. Вот если только он подумает, что они отстали.

Перекресток неумолимо приближался, и Валерий решился. Он стал постепенно отставать, потом, оказавшись вне поля наблюдения угонщика, пристроился сзади, прибавил газу. Вот и задний борт. Высоковато, кажется, но с коляски достать можно.

А скорость по-прежнему велика. Пустой кузов на неровностях часто подбрасывает: не промахнись, Юрка!

Ананьев, изловчившись, в прыжке хватается за

борт и легко забрасывает тело в кузов. Валерий тотчас тормозит: все же чертовски неприятно ехать между крутящимися, прыгающими колесами. В одно из мгновений ему показалось, что коляска чиркнула о кожу дифференциала.

Ну, теперь дело за Ананьевым. Тот уже барабанит кулаком по кабине. Машина резко тормозит и он чуть не перелетает через кабину.

Опешивший от стука над головой пьянюга быстро сообразил, кто у него объявился в кузове, и озверел пуще прежнего. Так дать провести себя! Ну, держись тогда, мальчики! До отказа педаль акселератора, есть полный газ! А теперь с размаху по тормозам! И еще раз таким макаром, и еще раз! А если резкий поворот, и сразу в другую сторону! Ты еще в кузове, легавый? Вдруг плотная тень закрыла лобовое стекло. Это еще что? А-а, какую-то тряпку накинул, чтоб дорогу не увидел. А нам и не надо, чтоб все видеть, хватит бокового окна.

Ананьев, еле удерживающийся в кузове при диких рывках и поворотах, понял, что его китель, сброшенный на лобовое стекло, не остановит машину, а он, распластавшийся на кабине, может в любой миг запросто слететь на дорогу. К тому же обалдевший шофер, не видя ничего, еще быстрее врежется в преграду. «Надо вытащить ключ зажигания, но как? Боковые стекла подняты... Что-нибудь бы твердое, поувесистее». Кузов пустой, какие-то тряпки, веревки. «Ага, а это? Самое то — заводная рукоятка!»

Он стукнул рукояткой по лобовому стеклу и хотя не увидел, но был уверен: образовалась лучистая звезда, мешающая смотреть. Сделал еще звезду. «Неужели этот тип не понимает, что сейчас, если продолжать ехать, стекла посыплются, могут поранить? Нет, не реагирует». Машина продолжает мчаться. Уже чуть не врезались во встречный автобус и «Москвич». «Что

ж, тогда попробую по стеклу кабинной дверцы слева. И сразу — на подножку».

Тут, однако, ЗИЛ, резко тормознув, остановился, и водитель, ширококостный, взлохмаченный и потный мужик, выпрыгнув из кабины с правой стороны, спотыкаясь, но довольно быстро побежал в сторону строящихся домов.

Кудинов, ожидая этого момента, легко догнал беглеца и, связывая ему руки ремешком, поскольку тот бросился в драку, вздрогнул от неожиданности, услышав над ухом знакомый бас:

— Вот, мерзавцы, что делают! Помочь не требуется?

Перед ним стоял тот самый мужчина, который сегодня утром ругался с ними в отделе, требуя отыскать его украденный мотоцикл. Тот тоже узнал Кудинова, и, немного смутившись, сказал:

— Ох, скажу я, и работка у вас! Подхожу к своему дому — вон он за тополями — и вижу, автомобиль, как сбесившийся козел, скачет. Подавил бы людей, факт...

Угонщик, успокоившись, мрачно молчал. Кудинов посадил его в коляску мотоцикла, Ананьев сел за руль угнанного автомобиля.

Три месяца спустя в центральном Доме культуры их награждали медалью «За отличную службу по охране общественного порядка», приурочив это торжество ко Дню милиции. Крепко жали руки и бесхитростно подначивали:

— Ну, хлопцы, в флинтовские времена вы были бы отличными пиратами. Так провести абордаж!..

— Юра, я и не подозревал, что в тебе скрывается талант тетки Манеихи. Есть такая артистка на моем участке, вчера в третий раз соседям окошки повыхлестала.

— Да он же не со злым умыслом, хотел тому дураку в кабине вентиляцию сделать, а тот не оценил...

История, приключившаяся с Валерием Кудиновым и Юрием Ананьевым, могла произойти с каждым из их товарищей, наверно, любой бы из них не отступил, поскольку дело было в элементарном исполнении служебного долга. Это понимали все, в том числе и сами награжденные. Потому, может, и были смущены они высокими словами правительственного Указа: «За отвагу и находчивость, проявленные при задержании опасного преступника...»

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОБЕЛИСК	5
ПОСЛЕДНЕЕ ЗАДАНИЕ	24
«ЗАЯЦ»	39
ВЫПОЛНЯЯ СВОЙ ДОЛГ	45
СПАСИБО, ЛЕЙТЕНАНТ!	53
ИДУ НА ЗАДЕРЖАНИЕ	59
ОСОБАЯ ПРИМЕТА	69
СЛУЖБА ТАКАЯ	76
БЫВАЛЫЙ СТАРШИНА	82
МАРАФОН КАПИТАНА	89
ВСТРЕЧА	104
ПОГОНЯ	114

Бронислав Борисович Абрамов

ИДУ НА ЗАДЕРЖАНИЕ!

Редактор Г. А. Теплицкая
Художник Г. Н. Степанов
Художественный редактор
Д. М. Мурсалимов
Технический редактор Г. В. Адова
Корректор Е. И. Тимощук

Сдано в набор 26.VIII. 1975 г. Подписано к печати 25.XI. 1975 г. Формат 70×108^{1/2}. Бумага типографская № 3. Усл. п. л. 5,6. Уч.-изд. л. 5,52. Тираж 30000. ОП01664. Заказ 9215. Цена 17 коп. Кемеровское книжное издательство, Кемерово, Ноградская, 5. Кемеровский полиграфкомбинат, Кемерово, Ноградская, 5.

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач

Воскр. тип. Т. 100.000 Э 290-73

17 коп.

Кемерово 1976